

Р.Кудряшов

Игра в Историю

Книга 5.

Российская империя XIX век

Том IV

На рубеже веков

Издательство

202_г

Роман Кудряшов

**Игра в Историю. Книга 5.
Российская империя XIX
век. Том IV. На рубеже веков**

«Автор»

2026

Кудряшов Р.

Игра в Историю. Книга 5. Российская империя XIX век. Том IV. На рубеже веков / Р. Кудряшов — «Автор», 2026

Очередная книга из серии "Игра в Историю" рассказывает о временах предпоследнего императора Российской империи. После убийства отца, проводившего либеральную политику, новый император "закрутил гайки", однако практически прекратил российское вмешательство в зарубежные военные конфликты. За это его называли императором миротворцем. Однако, несмотря на миролюбивую внешнюю политику много сил было уделено повышению обороноспособности страны. Как умер, или трагически погиб император, причастны ли, прямо или косвенно, революционеры-народники, можно узнать из данной книги

Содержание

Состояние Российской империи после смерти Александра II	5
Вступление на престол императора Александра III	28
Казнь народовольцев – участников убийства Александра II	33
Подписание Александром III «Манифеста о незыблемости самодержавия»	38
Подписание «Договора трех императоров»	43
О мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия	50
Основание Крестьянского поземельного банка	52
Указ о замене подушной подати другими налогами	57
Учреждение Фабричной инспекции. Закон об ограничении ночной работы малолетних на промышленных предприятиях	59
Временные о правила печати. Установление «карательной цензуры»	64
Русский бело-синий-красный флаг	69
Коронация Александра III	73
Освящение храма Христа Спасителя в Москве	77
Образование Приамурского генерал-губернаторства	85
Морозовская стачка 1885 года	88
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Роман Кудряшов

Игра в Историю. Книга 5. Российская империя XIX век. Том IV. На рубеже веков

Состояние Российской империи после смерти Александра II

Рис. 1. Убийство Александра II

Любые потрясения государства: бунты, революции, теракты – это всегда результат действий правящей элиты.

Россия в период правления Александра II это, в первую очередь, результат его неоднозначного правления.

Дворянство не было возвращено в категорию служилого сословия. Большая часть дворян вела паразитический образ жизни не служа ни в армии, ни на гражданской службе, вместе с тем государство не лишало их сословных привилегий. К чему это могло привести, да и привело? Несомненно, к разложению и социальному вырождению дворянства. Снятие обязанности служить с оставлением привилегий – самое плохое, что могло сделать самодержавие для опоры престола. Опасаясь дворянского недовольства при освобождении крестьян от крепостной зависимости и, возможно, связанного с этим, дворцового переворота Александр II внес в разложение дворянства свою лепту, выкупив долги дворян и подарив им освобожденную из ипотеки землю.

Еще не так давно при Александре I, деде Александра II, русские войска совершили победный поход до Парижа. И вот нерешительность и недостаток среди высшего командного состава армии талантливых полководцев привели к поражению России в Крымской войне, да не просто к поражению, а поражению на своей территории. Это можно только сравнить с ушатом холодной воды на раздутое самомнение о силе и величии России. По крайней мере отец Александра II такого позора не перенёс (Есть версия, о том что он совершил самоубийство - отравился не выдержав позора после поражения в Крымской войне).

Да и последняя Русско-турецкая война, подтвердила нерешительность и отсутствие инициативы у командного состава войск, в том числе и у представителей царской фамилии. Война могла быть завершена в значительно более короткие сроки, с меньшими потерями, и с большим дипломатическим эффектом. Заявленные цели войны не достигнуты. Славянские народы всё ещё являются подданными Османской империи, Святая София осталась турецкой мечетью, Босфор не под контролем России, а это значит, что её Черноморский флот не имеет свободного доступа в Средиземное море. Зато появилось 1,5 миллиарда рублей долга.

Отмена крепостного права вместо ожидаемого освобождения крестьян ещё больше их закабалила. Крестьянская реформа разозлила крестьян. Только за первый год реформы в стране произошло – 1 100 крестьянских бунтов. Крестьяне были уверены, что Манифест подложный!

Елизавета Николаевна Водовόзова:

Рис. 2. Елизавета Николаевна Водовόзова

«Когда в один из воскресных дней я вошла в его избу я застала всех членов семьи за самоваром: при этом на столе лежала связка баранок. Малышам давали по баранке и выгоняли на двор. Меня более всего поразил облик и вся фигура Кузьмы. Это был человек лет под шестьдесят, сухой, как жердь, сутулый, с лицом, на котором выдавались скулы, обтянутые желтой кожей, совершенно лысый, но с очень густыми седыми бровями, торчащими какими-

то кустиками. Он сидел под образами, и глаза у него были опущены вниз даже тогда, когда он говорил: он точно разговаривал сам с собою, а когда изредка поднимал голову, глаза его бежали, как у затравленного зверя.

Перед двумя из крестьян стоял чай в стаканах без блюдец, и перед каждым из сидевших за столом лежало по крошечному кусочку сахару. Когда кто-нибудь допивал чай, хозяйка наливала следующим, так как в семье было всего два – три стакана и одна оловянная кружка.

На мои расспросы о воле Кузьма отвечал вопросом же:

– Как така воля? Ты, барышня, из Питера, значит, поближе нас к царю стоишь, вот ты и растолкуй нам, какую нам волю царь дал. А мы, почитай, воли-то этой и не видывали!

– Показаться-то воля показалаась, – заметил его старший сын Петрок, – да мужик-то и разглядеть не успел, как она сквозь землю провалилась.

– Царь-то волю дал заправскую, – заговорил Федька, – читальщики о ту пору вычитывали нам не то, что попы, в манихфестах. Наши-то попы да паны подлинный царский манихфест скрыли, а заместо его другой подсунили, чтобы, значит, им получше, а нам похуже.

Тут-то я всего не упомяну, а выходило так, что усадебная земля, панские хоромы, скотный двор со всем скотом помещику отойдут, ну, а окромя этого, – усе наше: и хорошая, и дурная земля, и весь лес наши; наши и закрома с зерном, ведь мы их нашими горбами набили. А заместо этого, извольте радоваться, что вышло: отрезали такую земельку, что ежели в ей хоча половина годной для посева, так ты еще Бога благодари»

Из письма крестьян села Сотницкого Курской губернии:

«У нас всей земли 37 десятин, наличных 84 души, вот поэтому нам со своей земли прожить никак невозможно, а поэтому мы берем для посева землю у бывшей нашей помещицы на таких условиях: берем все равно по три десятины; эти три десятины должны мы вспахать, посеять своими семенами, ее по урожае скосить или сжать и половину хлеба перевести в экономию, а половину забрать себе, потом за эти три десятины мы отрабатываем в пользу помещицы посевом и уборкой хлеба по одной десятине, то есть этот отработок мы пашем, двоим, сеем и по урожае косим или жнем и свозим в экономию; кроме этого отработка еще каждый из нас должен отработать в экономии в пользу помещицы по 12-ти рабочих дней и за каждую десятину отвезти экономического хлеба, куда укажет экономия, по 25 пудов...; потом за эту же землю еще каждый из нас должен вывезть навоза по 40 возов...»

По расчетам земской управы Самарского уезда Самарской губернии доход крестьянской семьи в пять душ, при 1 тягловом работнике (читай папа, мама и три малолетки), с 12 десятин земли (средняя цифра), которые эта семья может обработать (то есть папе пахать с утра до вечера), составляет за вычетом прямого налога 117 руб. 60 коп.

За вычетом семян семья снимает 28 пудов с десятины.

За один пуд им платят 35 копеек.

Это не прибыль: крестьянин же несет расходы на производство и пропитание, плюс платит прорву налогов, кроме прямого.

Он платит земский сбор в 2 руб. 69 коп. с души, за содержание сельского притча, за содержание сельских писцов, сельского начальства, на содержание въезжих квартир (где всякие проверяющие и полицейские чины останавливаются), на ремонт дорог и пошлины на многие продукты первой необходимости, вроде соли и керосина.

А еще крестьяне несут рекрутскую повинность, т.е. подростшего работника у тебя могут забрать в армию и корячься один.

Если сложить все расходы и налоги, то чтобы уйти в ноль крестьянин должен зарабатывать 125 руб. 53 коп.

Где крестьянин берет недостающие 7 руб. 93 коп.?

Правильно – кредиты.

Крестьянин с рождения и до смерти должен – нет у него денег. Совсем!

А долг за счет процентов постоянно растет. Причем проценты были более чем солидные, как и положено в сфере микрокредитования. А микрокредитованием в пореформенной России занимались кулаки.

Алекса́ндр Никола́евич Энгельга́рдт:

Рис. 3 Алекса́ндр Никола́евич Энгельга́рдт

«Из всего Счастливого Уголка только в деревне Б. есть настоящий кулак. Этот ни земли, ни хозяйства, ни труда не любит, этот любит только деньги. Этот не скажет, что ему совестно, когда он, ложась спать, не чувствует боли в руках и ногах, этот, напротив, говорит: работа дураков любит, работает дурак, а умный, заложив руки в карманы, похаживает да мозгами ворочает. Этот кичится своим толстым брюхом, кичится тем, что сам мало работает: у меня должники все скосят, сожнут и в амбар положат. Этот кулак земель занимается так себе, между прочим, не расширяет хозяйства, не увеличивает количества скота, лошадей, не распахивает земель. У этого все заждется не на земле, не на хозяйстве, не на труде, а на капитале, на который он торгует, который раздает в долг под проценты. Его кумир – деньги, о приумножении которых он только и думает. Капитал ему достался

по наследству, добыт неизвестно какими, но какими-то нечистыми средствами, давно, еще при крепостном праве, лежал под спудом и выказался только после Положения. Он пускает этот капитал в рост, и это называется ворочать мозгами. Ясно, что для развития его деятельности важно, чтобы крестьяне были бедны, нуждались, должны были обращаться к нему за ссудами. Ему выгодно, чтобы крестьяне не занимались землей, чтобы он пановал со своими деньгами».

Пётр Петрович Семёнов-Тян-Шанский:

Рис. 4. Пётр Петрович Семёнов-Тян-Шанский

«Крестьянин, не имеющий денег, берет их на перехват у своего односельца, обмолачивает вырубленную им жатву и продает наскоро даже необходимый ему впоследствии пищевой хлеб (рожь) по 40 – 50 коп. за пуд, с тем, чтобы купить его впоследствии, то есть весной, на деньги, добытые зимним заработком, копеек по 80 – 90 за пуд. Такая заемная операция обходится ему в полгода процентов в 80 – 100. Но если зимний заработок оказался недостаточным, то для покупки пищевого хлеба или уплаты какой-либо недоимки в начале лета крестьянину приходится продавать на корню уже выколосившуюся жатву, рублей по 10 – 12 за

десятину, теряя на полученной им этим путем вперед сумме (как доказал мне произведенный мною опыт) до 250%».

Комментируя такие катастрофические результаты хозяйственной деятельности, помещик М.С.Балабанов указывал:

«Надо просто удивляться, как мог наш крестьянин выносить подобные налоги (в среднем до 50 руб. на двор...), не обладая достаточным количеством земли, совершенно не зная рациональной техники земледелия, не зная даже простой грамотности, почти не обучаясь никаким ремеслам и не занимаясь никакими кустарными промыслами, которые позволяли бы ему с большой пользой утилизировать продолжительный зимний досуг...»

Минский уездный предводитель дворянства Н.Г. Матвеев:

«Большинство крестьян продают осенью и зимою требующийся на обсеменение хлеб по низким ценам, вырученные деньги расходуют на повинности, а весной сами покупают, платя несравненно дороже; затем обращаются к ссудам хлеба из запасных магазинов и к займам из мирских запасных капиталов, а когда хозяйство обременено этими ссудами, то к частным займам за высокие проценты. Норма последних зависит от того, насколько состоятелен крестьянин: чем беднее, тем % выше. Объясняется это тем, что заимодавец, в виду воспрещения законом продажи, при известном экономическом состоянии крестьянского хозяйства, имущества должника, рискует своим капиталом и за этот риск берет лихвенный %»

«Эта убыль в продуктах питания, – читаем мы в Трудах Особого совещания, – не пополнена избытком потребления мяса, овощей и т.п., а составляет действительную убыль, которая была разложена между населением в виде сокращенного питания и между хозяйственным скотом частью тоже ухудшением его корма (замена хлебного корма соломой), частью же просто распродажей скота».

Сложившуюся ситуацию можно проиллюстрировать на примере Сурожского уезда Черниговской губернии. Валовой сбор ржи составлял здесь 1 916 000 пуд., а за вычетом на посев – 1 580 000 пудов. Потребности населения уезда были равны 1 810 000 пудов. В итоге недочет – 230 000 пуд., а с расходом на винокурение – 480 000 пудов. И это без учета налогов и затрат на корм скоту.

Имелся способ увеличить себе надел – «размножаться с опережением». Чем больше будет в семье мальчиков, тем больше тебе выделят земли. Это привело к стремительному росту населения.

годы	все население в млн. человек			в том числе		крепостные	
	на основной территории	на присоединенной территории	всего	городское население в млн. чел.	в % ко всему населению	млн. чел.	в % ко всему населению
1796	29,0	7,0	36,0	1,3	3,6	20,0	55,5
1815	30,5	14,5	45,0	1,7	3,8	20,8	46,2
1851	39,0	29,0	68,0	3,4	5,0	21,7	31,9
1858	44,0	30,0	74,0	4,2	5,7	22,7	30,7
1897	65,0	64,0	129,0	16,3	12,6	-	-

Рис. 5. Рост народонаселения России в XIX веке

В книге «Социальная история России» наш современник – Борис Николаевич Миронов отмечает, что средняя продолжительность жизни мужчин и женщин составляла в России в 1880–е годы соответственно 29 и 31 год. Причина – в ошеломляющем уровне смертности среди крестьянских детей. В России смертность в возрастной группе 0 – 4 года была 214,4 детей на тысячу населения.

Из доклада ежегодной сессии Министерства здравоохранения России:

«Из 6 – 7 млн рождаемых детей 43 % не доживают до 5 лет. 31 % в той или иной форме обнаруживают различные признаки пищевой недостаточности: рахита, цинги, пеллагры и проч.».

Эмиль Джозеф (Эмилий Михайлович) Диллон (1854 – 1933) – журналист и лингвист. Родился в Дублине в семье ирландца – жил в России с 1877 по 1914 год. Он описывает материальную нищету, в которой пребывало большинство крестьян:

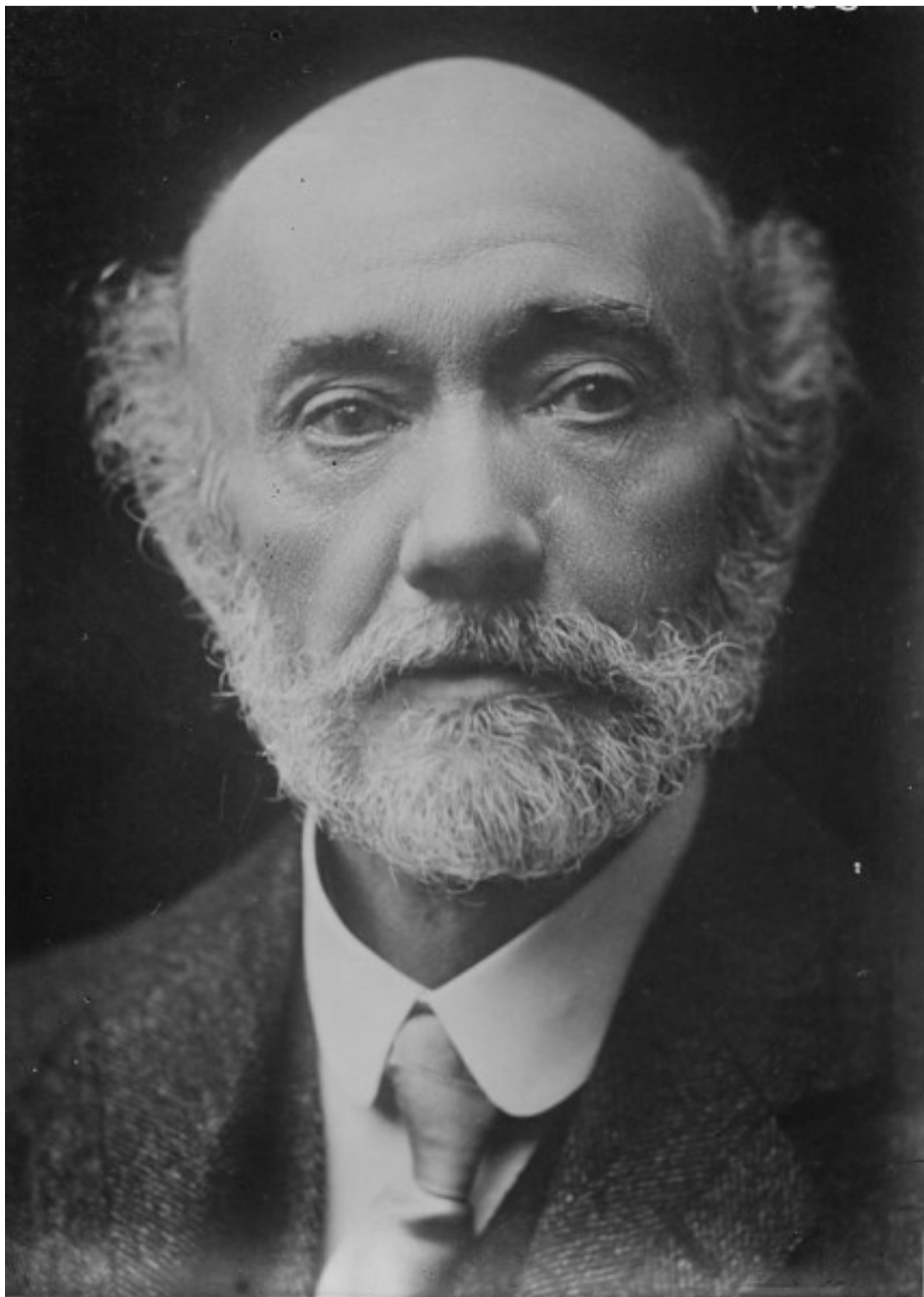

Рис. 6. Эмилий Михайлович Диллон

«Русский крестьянин ложится спать в шесть, даже в пять часов зимой, потому что он не может себе позволить купить керосин для освещения. Не может позволить себе и мяса, яиц, масла, молока, зачастую и капусты и живет на черном хлебе и картошке». Живет? Он умирает от голода из-за их недостаточного количества.»

Лев Толстой описывал свою поездку по нескольким десяткам деревень разных уездов в самом конце XIX века:

«Во всех этих деревнях хотя и нет подмеси к хлебу, но хлеба, хотя и чистого, дают не вволю. Приварка – пишена, капуста, картофеля, даже у большинства, нет никакого. Пища состоит из травяных щей, забеленных, если есть корова, и незабеленных, если ее нет, и только хлеба. Во всех этих деревнях у большинства продано и заложено всё, что можно продать и заложить».

Из Гуцина я поехал в деревню Гневьишево, из которой дня два тому назад приходили крестьяне, прося о помощи. Деревня эта состоит, так же как и Губаревка, из 10 дворов. На десять дворов здесь четыре лошади и четыре коровы; овец почти нет; все дома так стары и плохи, что едва стоят. Все бедны, и все умоляют помочь им. «Хоть бы мало-мальски ребята отдыхали», – говорят бабы. «А то просят папки (хлеба), а дать нечего, так и заснет не ужинаючи»...

Я попросил разменять мне три рубля. Во всей деревне не нашлось и рубля денег... Точно так же у богатых, составляющих везде около 20%, много овса и других ресурсов, но кроме того в этой деревне живут безземельные солдатские дети. Целая слободка этих жителей не имеет земли и всегда бедствует, теперь же находится при дорогом хлебе и при скупой подаче милостыни в страшной, ужасающей нищете...

Из избытки, около которой мы остановились, вышла оборванная грязная женщина и подошла к кучке чего-то, лежащего на выгоне и покрытого разорванным и просетившимся везде кафтаном. Это один из ее 5-х детей. Трехлетняя девочка больна в сильнейшем жару чем-то в роде инфлюэнцы. Не то что об лечении нет речи, но нет другой пищи, кроме корок хлеба, которые мать принесла вчера, бросив детей и сбежав с сумкой за побором... Муж этой женщины ушел с весны и не воротился. Таковы приблизительно многие из этих семей...

Нам, взрослым, если мы не сумасшедшие, можно, казалось бы, понять, откуда голод народа. Прежде всего он – и это знает всякий мужик – он:

- 1) от малоземелья, оттого, что половина земли у помещиков и купцов, которые торгуют и землями и хлебом.*
- 2) от фабрик и заводов с теми законами, при которых ограждается капиталист, но не ограждается рабочий.*
- 3) от водки, которая составляет главный доход государства и к которой приучили народ веками.*
- 4) от солдатчины, отбирающей от него лучших людей в лучшую пору и развращающей их.*
- 5) от чиновников, угнетающих народ.*
- 6) от податей.*
- 7) от невежества, в котором его сознательно поддерживают правительственные и церковные школы.*

Чем дальше в глубь Богородицкого уезда и ближе к Ефремовскому, тем положение хуже и хуже... На лучших землях не родилось почти ничего, только воротились семена. Хлеб почти у всех с лебедой. Лебеда здесь невызревшая, зеленая. Того белого ядрышка, которое обыкновенно бывает в ней, нет совсем, и потому она не съедобна. Хлеб с лебедой нельзя есть один. Если наестся натошак одного хлеба, то вырвет. От кваса же, сделанного на муке с лебедой, люди шалют»

Владимир Галлактионович Короленко, много лет проживший в деревне, бывавший в начале 1890-х годов в других голодавших районах и организовывавший там столовые для голодающих и раздачу продовольственных ссуд оставил очень характерные свидетельства государственных служащих: *«Вы свежий человек, натываетесь на деревню с десятками тифозных больных, видите как больная мать склоняется над колыбелью больного ребенка, чтобы покор-*

мать его, теряет сознание и лежит над ним, а помочь некому, потому что муж на полу бормочет в бессвязном бреду. И вы приходите в ужас. А «старый служака» привык. Он уже пережил это, он уже ужаснулся двадцать лет назад, переболел, перекипел, успокоился... Тиф? Да ведь это у нас всегда! Лебеда? Да у нас этой каждый год!..».

«У меня была надежда, что, когда мне удастся огласить все это, когда я громко на всю Россию расскажу об этих дубровцах, пралевцах и петровцах, о том, как они стали «нежителями», как «дурная боль» уничтожает целые деревни, как в самом Лукоянове маленькая девочка просит у матери «зарыть ее живую в земельку», то, быть может, мои статьи смогут оказать хоть некоторое влияние на судьбу этих Дубровок, поставив ребром вопрос о необходимости земельной реформы, хотя бы вначале самой скромной.»

«Знаю много случаев, когда по несколько семей соединялись вместе, выбирали какую-нибудь старуху, сообща снабжали ее последними крохами, отдавали ей детей, а сами брели вдаль, куда глядели глаза, с тоской неизвестности об оставленных ребятах... По мере того, как последние запасы исчезают у населения, семья за семьей выходит на эту скорбную дорогу... Десятки семей, соединявшиеся стихийно в толпы, которых испуг и отчаяние гнали к большим дорогам, в села и города. Некоторые местные наблюдатели из сельской интеллигенции пытались завести своего рода статистику для учета этого, обратившего всеобщее внимание, явления. Разрезав каравай хлеба на множество мелких частей, наблюдатель сосчитывал эти куски и, подавая их, определял таким образом количество нищих, перебивавших за день. Оказывались цифры, поистине устрашающие... Осень не принесла улучшения, и зима надвигалась среди нового неурожая... Осенью, до начала ссудных выдач, опять целые тучи таких же голодных и таких же испуганных людей выходили из обездоленных деревень... Когда ссуда подходила к концу, нищенство усиливалось среди этих колебаний и становилось все более обычным. Семья, подававшая еще вчера, сегодня сама выходила с сумой...»

Рис. 7. Голод

Миллионы отчаявшихся людей выходили на дороги, бежали в города, доходя даже до столиц. Обезумевшие от голода люди попрошайничали и воровали. Вдоль дорог лежали трупы погибших от голода. Чтобы предотвратить это гигантское бегство отчаявшихся людей, в голодающие деревни вводили войска и казаков, которые не давали крестьянам покинуть деревню, часто не выпускали вообще. Обычно разрешали покидать деревню только тем, у кого был паспорт. Паспорт выдавался на определённый срок местными властями и был далеко не у всех. Любой человек без паспорта считался бродягой, подвергался телесным наказаниям, тюремному заключению и высылке.

Рис. 8. Голод в деревне

Что означает в реальности это академическое сухое выражение: «потребление половины населения оказывается меньше среднего и меньше нормы» и «половина населения жила в условиях постоянного недоедания», вот это: голод, дистрофия. Каждый четвёртый ребёнок, не доживший даже до года. Угасающие на глазах дети.

Особенно тяжело было детям. В случае голода рациональнее всего для популяции оставить необходимое питание работникам, сократив его иждивенцам, в число которых, очевидно, входят дети, неспособные работать.

Как откровенно пишут исследователи: *«У детей всех возрастов... при любых условиях наблюдается систематический дефицит калорий»*.

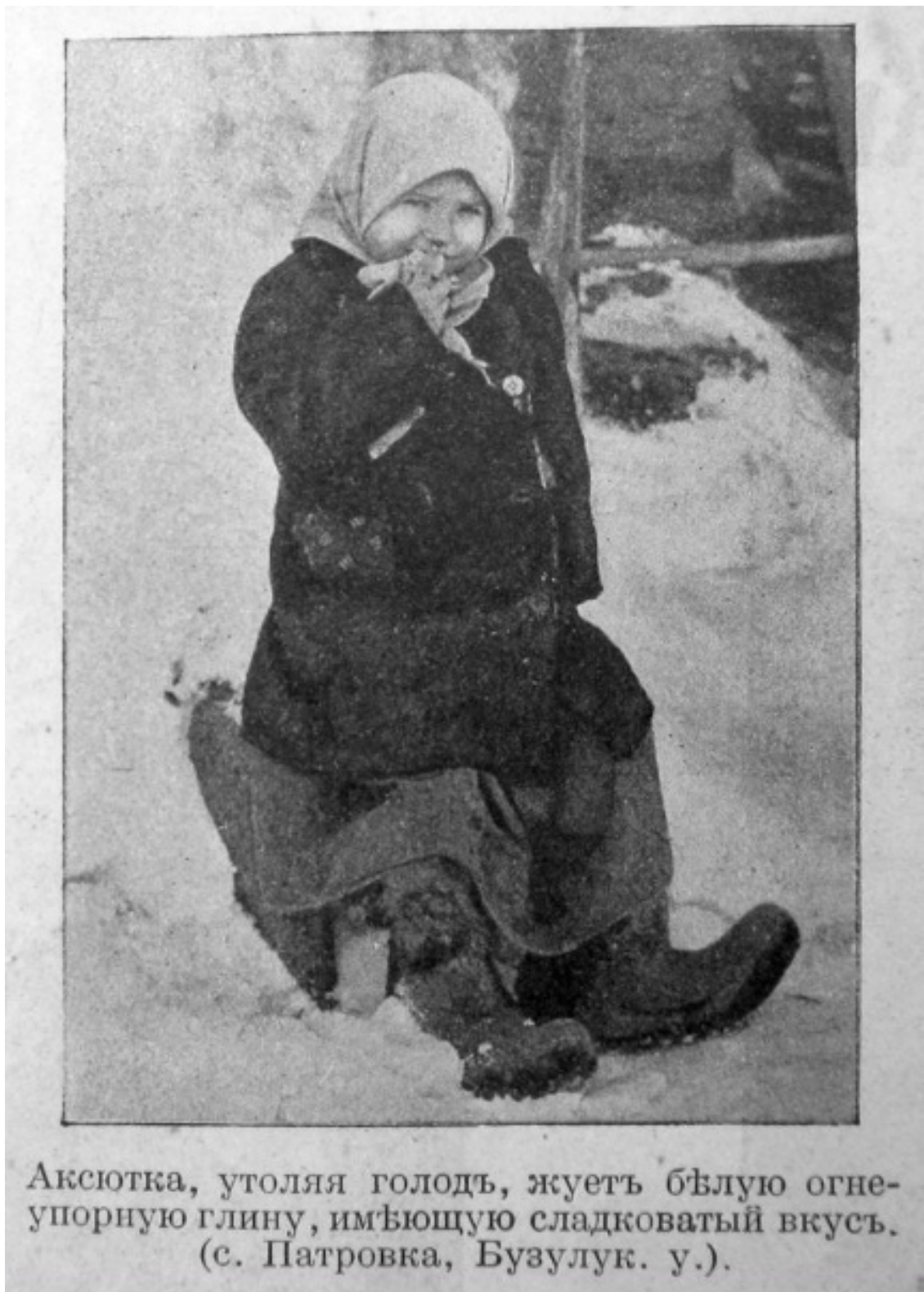

Рис. 9. Аксютка, утоляя голод, жуёт огнеупорную глину сладковатую на вкус

«В конце XIX века в России до 5-летнего возраста доживало всего 550 из 1 000 родившихся детей, тогда как в большинстве западноевропейских стран – более 700. Перед революцией ситуация несколько улучшилась – умирало «всего лишь» 400 детей из 1 000».

Л.Н.Липеровский во время голода 1912 года в Поволжье, занимаясь организацией продовольственной и медицинской помощи населению, свидетельствует: *«В селе Ивановке есть*

одна очень симпатичная, большая и дружная крестьянская семья; все дети этой семьи чрезвычайно красивы; как-то я зашел к ним в глинушку; в люльке кричал ребенок и мать с такою силою раскачивала люльку, что та подбрасывалась до потолка; я рассказал матери, какой от такого качания может быть вред для ребенка. «Да пусть бы Господь прибрал хоть одного-то... И все же это одна из хороших и добрых женищин в селе».

«С 5 до 10 лет российская смертность примерно в 2 раза выше европейской, а до 5 лет – выше на порядок... Смертность детей старше одного года также в несколько раз превосходит европейскую».

И опять ученый-химик и агроном А.Н.Энгельгардт:

«Тому, кто знает деревню, кто знает положение и быт крестьян, тому не нужны статистические данные и вычисления, чтобы знать, что мы продаем хлеб за границу не от избытка... В человеке из интеллигентного класса такое сомнение понятно, потому что просто не верится, как это так люди живут, не евши. А между тем это действительно так. Не то, чтобы совсем не евши были, а недоедают, живут впроголодь, питаются всякой дрянью. Пшеницу, хорошую чистую рожь мы отправляем за границу, к немцам, которые не будут есть всякую дрянь... У нашего мужика-земледельца не хватает пшеничного хлеба на соску ребенку, пожует баба ржаную корку, что сама ест, положит в тряпку – соси».

Мяса русский крестьянин потреблял в 2 раза меньше, чем в Дании и в 7 – 8 раз меньше, чем во Франции. Молока русский крестьян выпивал в 2,5 раза меньше, чем датчанин и в 1,3 раза меньше, чем француз. Яиц русский крестьянин съедал в аж 2,7 (!) гр. в день, в то время датский крестьянин – 30 гр., а французский – 70,2 гр. в день.

«Пшеницу, хорошую чистую рожь мы отправляем за границу, к немцам, которые не станут есть всякую дрянь. Лучшую, чистую рожь мы пережигаем на вино, а самую чтони на есть плохую рожь, с пухом, костером, сивцом и всяким отбоем, получаемым при очистке ржи для винокурен — вот это ест уж мужик. Но мало того, что мужик ест самый худший хлеб, он ещё недоедает. ...от плохой пищи народ худеет, болеет, ребята растут хуже, совершенно подобно тому, как бывает с дурносодержимым скотом...»

А куда шли доходы от продажи русского хлеба?

За типичный год доход от продажи хлеба за рубеж составлял 431 миллион рублей. Из них на предметы роскоши для аристократии и помещиков было потрачено 180 миллионов. Ещё 140 миллионов русские купцы и дворяне потратили на курортах Баден-Бадена, прокутили во Франции, проиграли в казино, накупили недвижимости в «цивилизованной Европе». На модернизацию России потратили аж одну шестую дохода (58 миллионов руб) от продажи зерна.

И в то же время:

«К началу 1892 г. было заложено 97 573 имения в 45 067 378 дес. (или 39 % всей площади частного землевладения в России), оцененные в 2116 мл. руб. Постепенно возрастая, число заложенных имений к 1903 г. достигло 173 310, в 58 807 099 дес. (49 %)».

Разложение дворян очень хорошо описано в мемуарах у Николая Врангеля, отца «черного барона», «Воспоминания: от крепостного права до большевиков».

Дворянское сословие разлагалось и маргинализировалось. Весь раздрай проявился в деле Засулич. За ее оправдание проголосовали приглашенные в присяжные заседатели чиновники.

Вот в этих условиях и появилась сначала «Земля и воля», а уже из нее вылупилась «Народная воля» – вполне себе интеллигентная по социальному составу организация.

Николай Кибальчич – из семьи священника.

Софья Перовская – дочь вице-губернатора Петербурга.

Александр Михайлов – из курских помещиков.

Вера Фигнер – дочь штабс-капитана и губернского секретаря.

Лев Тихомиров – из семьи военного врача.

Степан Халтурин – из семьи зажиточных крестьян.

Желябов – из крепостных, но окончивший гимназию с серебряной медалью и поступивший на юрфак.

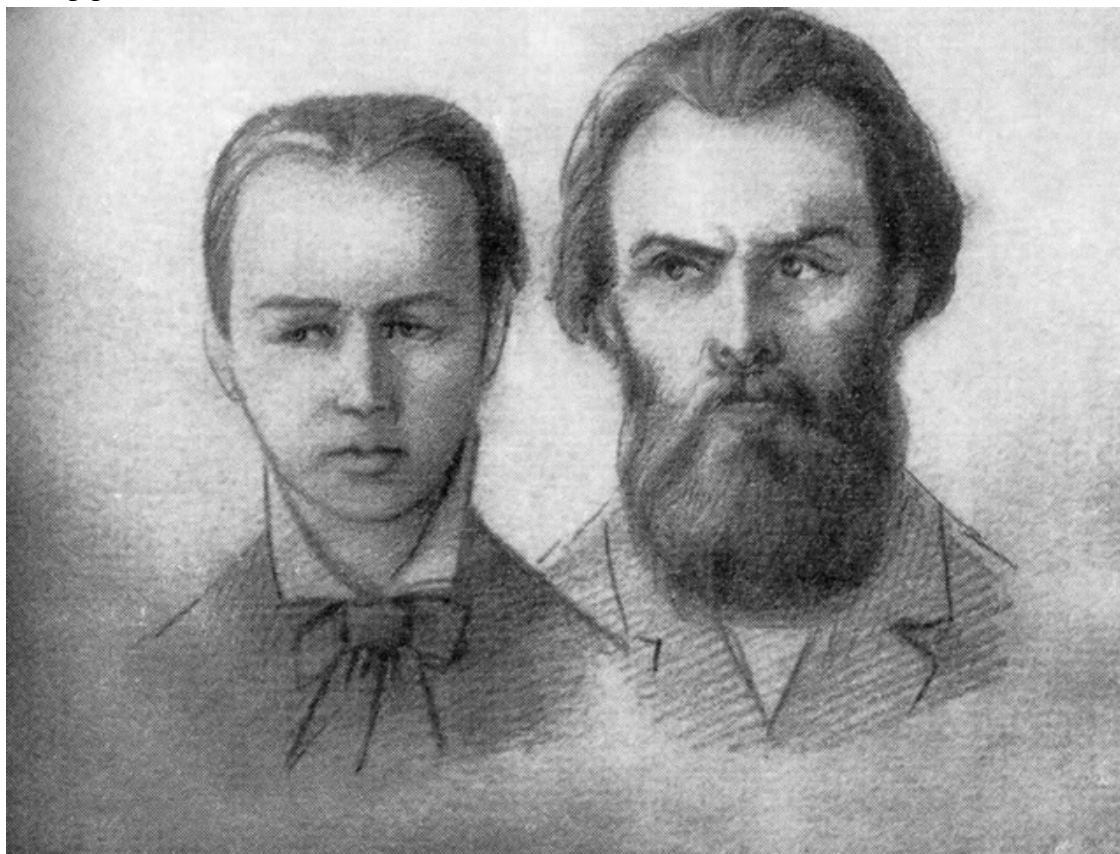

Рис. 10. С.Перовская и Н.Желябов
ПРОГРАММА НАРОДНОЙ ВОЛИ
Раздел А

По основным своим убеждениям мы – социалисты и народники. Мы убеждены, что только на социалистических началах человечество может воплотить в своей жизни свободу, равенство, братство, обеспечить общее материальное благосостояние и полное всестороннее развитие личности, а, стало быть, и прогресс.

Раздел В

Мы полагаем, что, как социалисты и народники, мы должны поставить своей ближайшей задачей – снять с народа подавляющий его гнет современного государства, произвести политический переворот с целью передачи власти народу.

Раздел Д

Пункт 1 – пропаганда и агитация

Пункт 2 – террор

Террористическая деятельность, состоящая в уничтожении наиболее вредных лиц правительства, в защите партии от шпионства, в наказании наиболее выдающихся случаев насилия и произвола со стороны правительства, администрации и т.п., имеет своей целью подорвать обаяние правительственной силы, давать непрерывное доказательство возможности борьбы против правительства, поднимать таким образом революционный дух народа и веру в успех дела и, наконец, формировать годные и привычные к бою силы.

Пункт 5. Организация и совершение переворота.

Ввиду придавленности народа, ввиду того, что правительство частными усмирениями может очень надолго сдерживать общее революционное движение, партия должна взять на

себя почин самого переворота, а не дожидаться того момента, когда народ будет в состоянии обойтись без нее.

Тяжело представить, почему народовольцы, образованные люди, считали, что убив царя, можно реализовать эту программу. Николай Первый еще говорил, что Россией управляет не он, а столоначальники. Они-то люди образованные, прекрасно знали, что царь крайне несамостоятелен в своих решениях.

Бухгалтерия Народной воли

По информации казначея организации народовольца Тихомирова:

«Ежемесячный бюджет Исполнительного Комитета в течение нескольких лет колебался около 5 000 рублей ежемесячно. Конечно, не студенты давали на дело эти 60 000 рублей в год».

На одни конспиративные квартиры приходилось ежедневно тратить по 200 рублей, или «Вся колоссальная работа по прорытию московского подкопа вместе с двумя другими железнодорожными покушениями, подготовлявшимися к тому же ноябрю, обоилась всего от 30.000 до 40.000 рублей, включая сюда и разъезды».

Для сравнения – полковник Царской армии получал от Государя жалование в размере 320 рублей в месяц, генерал в должности командира дивизии имел оклад 500 рублей, а генерал в должности командира корпуса – 725 рублей в месяц.

Килограмм чёрной паюсной икры (Паюсная икра – икра в которой лопнули икринки. Паюсная икра считается менее престижной при употреблении) стоил 80 копеек.

Хороший конь – 150 рублей.

Дойная корова – 60 рублей.

Народная воля – это первичные организации с освобожденными, то есть нигде не работающими активистами в 90 городах, 17 подпольных типографий, издание нескольких журналов и газет за границей... Посчитайте на досуге стоимость такой организации и содержания всего этого хозяйства...

Кто хотел убить царя?

Историк Матлин предполагает, что убийство Александра II – это дворцовый заговор, во главе которого стоял К.П.Победоносцев (К.П.Победоносцев - российский государственный деятель, правовед, публицист, действительный тайный советник (1883), почётный член Петербургской академии наук (1880). В 1880 году был назначен обер-прокурором Святейшего Синода, в этой должности пребывал в течение 26 лет. Был одним из создателей тайной правительственной организации «Священная дружина» (1881–83). Он пишет, что нападение на царский кортеж происходит за два часа до царского указа о Конституции. С тех пор, как царь поручил своему верному помощнику Лорис-Меликову разработку Конституции, против царя совершается целая серия покушений. К.П.Победоносцев (призванный бороться с народническим экстремизмом, выступал за ужесточение цензуры, бескомпромиссную борьбу с революционным подпольем, политическими выступлениями земств) на первом совещании правительства Александра III 8 марта 1881 г. подверг резкой критике и крестьянскую, и земскую, и судебную реформы Александра II, назвав их «преступными реформами», и Александр III фактически одобрил его речь.

Существует еще одна «версия», озвученная бывшим послом Франции в Петербурге (Петрограде) М.Палеологом, одним из спонсоров Февральского переворота 1917 г.

Якобы, услугами «Народной воли» воспользовался наследник Александр III, узнав, что Александр II решил жениться на княгине Юрьевской и сделать наследником ее сына.

Масонский след. Созданный в 1850 году Интернационал почти открыто взялся за решение задачи, выработанной почти 100 лет назад иллюминатами, – «уничтожение алтарей и тронов».

Сразу же после убийства «Царя-Освободителя» французский писатель и масон Ф.Пиа писал Д.Гарибальди: *«Мой старый друг, последнее покушение на всероссийского деспота подтверждает Вашу легендарную фразу: «Интернационал есть солнце будущего». Все, от первого Монарха до последнего президента республики, должны исчезнуть волей или неволей».*

Есть еще одна версия – месть Британии за союз России и США: убиты Линкольн и Александр II.

Добавлю в перечень потенциальных заказчиков убийства императора не менее экзотическую личность.

Августу, внучку императора Павла I, выдали замуж за Вильгельма I Прусского, младшего брата императрицы Александры Федоровны – жены Николая I. При этом монарх Пруссии Фридрих II, в обстановке почти полного завоевания страны Наполеоном, очень долго носился с идеей передачи правления своей дочери Александре и ее жениху Николаю, на тот момент лишь третьему принцу. Не получилось. А то бы уже с XVIII века Пруссия украсила корону Российской Империи.

Собственный прусский наследник – будущий Вильгельм I, обиженный таким пренебрежительным отношением папеньки к собственной персоне, перенес эту обиду на всю Россию и царствующую династию в целом. Потом всё это наложилось на амбиции юной Августы, которая искренне верила, что Николай I – это вовсе не Романов, а плод адюльтера Марии Федоровны и Кристофера Бенкендорфа, и поэтому Николай I и все его присные – узурпаторы, не имеющие никакого права на русский престол.

Августа, сначала королева Пруссии, а позже Императрица единой Германии, считая себя законной наследницей русского престола, на полном серьёзе требовала от своих подданных приносить ей присягу как правопреемнице короны Российской Империи и жаждала безусловного истребления как всего потомства Николая Романова, так и вообще всей русской элиты, «погубившей истинных русских царей Петра III и Павла I».

Рис. 11. Принцесса Германии Августа

Королева учредила особый фонд, из которого она обещала выплачивать по тридцать тысяч марок, позже рейхсмарок, за голову каждого из семейства Романовых. Выплаты были обещаны как непосредственным убийцам, так и любым их наследникам, ибо молчаливо предполагалось, что собственно убийца любого из Романовых до Пруссии доберётся вряд ли.

Создавая свое детище, Августа исходила из убеждения, что *«все русские – это сволочи и предатели, погубившие законных государей, и потому сыскать среди них продажного шуду будет легко»*. Именно ради этого и был учрежден «фонд Августы». Соответственно, возникло предположение, что достаточно поманить русских увесистым денежным призом, и всё получится. В теории королевы Пруссии было две фазы: Сперва русские дворяне, будучи иудами, истребляют Романовых, а во второй немецкое дворянство должно истребить всех русских дворян как природных изменников.

Впервые указанные тридцать тысяч марок были выплачены личному врачу Николая Александровича, старшего сына Александра II, умершего неожиданно во время подготовки к венчанию на Дагмаре Датской, а сам врач стремительно покинул земли Российской Империи и предпочёл дальше жить где-то в Европе инкогнито. Его в итоге так и не нашли. Вторая выплата была кузине бомбиста Русакова, принимавшего участие в убийстве Александра II. Но ей деньги не шибко понадобились. Она почему-то померла посреди Берлина в течение недели после указанной выплаты.

Но конечно не Августа устроила феерию в Западной прессе.

Дело о передаче народовольца Гартмана (Лев Николаевич Гартман – русский революционер-народник, заграничный представитель партии «Народная воля») Российскому правительству

Евгений Михайлович Феоктистов, это такой писатель, очень известный дореволюционный журналист. Являлся даже начальником главного управления по делам печати при министерстве внутренних дел. Он вспоминал: *«Приехав несколько месяцев спустя в Петербург, Орлов откровенно рассказывал мне и моей жене, каким образом старался он выполнить свою задачу. Дело в том, что он вовсе не желал достигнуть успеха. «В случае выдачи Гартмана, – говорил он, – нетрудно угадать, какая постигла бы его судьба; во всякой другой стране можно вполне довериться суду, а я знаю, что такое наш суд, когда дело идет о политическом преступлении; несчастного приговорили бы к смерти, даже порядочно не выслушав его»*.

За Гартмана вписались все, например Виктор Гюго: *«Вы не можете выдать этого человека. Законы о выдаче останавливаются перед политическими деяниями. Всеми народами закон этот блюдется. И Франция его соблюдает. Вы не выдадите этого человека!»* Джузеппе Гарибальди: *«Гартман – смелый молодой человек, к которому все честные люди должны питать уважение и признательность. Министр Фрейсине и президент Гриви не сохранят за собой имени честных республиканцев, если выдадут политического изгнанника. Это было бы достойно версальских гиен»*.

Л.Г.Дейч (Лев Григорьевич Дейч (1855–1941) – российский политический деятель, революционер-народник, затем социал-демократ, историк революционного движения в России), тот самый, которого освободил Фроленко из Киевской тюрьмы, вспоминал: *«Агитация в пользу освобождения Гартмана приняла невероятные размеры. По несколько раз в день газеты выпускали специальные приложения по поводу дела Гартмана. Имя его непрерывно выкрикивали разносчики, и на время он сделался самым популярным человеком не только в Париже, но и во всем цивилизованном мире»*.

После этого он (Гартман) с помпой прибыл в Лондон. Его приветствовали Маркс и Энгельс, которые очень симпатизировали «героическим нигилистам». Энгельс сетовал на то, что он сталкивается с постоянными сложностями. Гартман был химиком и немного понимал в электричестве. Энгельс, после консультирования с неким своим другом Шорлеммером, удостоверился, что действительно Гартман был неплохим химиком. Но, к сожалению.... В сентябре 1882 года Энгельс написал Марксу, что Гартман запатентовал какой-то новый тип электрической батареи. И даже продал свое изобретение за три тысячи фунтов (а это очень приличная сумма по тем временам) какому-то странному субъекту. Карл Маркс познакомил Гартмана с П.Лафаргом и В.Либкнехтом и помог устроить его агитационную поездку в Америку.

Разгневанный Александр III немедленно отозвал из Парижа русского посла. Более того, встретив на военном параде 24 марта генерала Шанзи, император не подал ему руки и сказал: *«Я весьма поражен, господин посол, решением вашего правительства, по поводу этого негодяя. Это все, что я имею высказать»*.

Находясь в Лондоне, Гартман вел через подставные адреса обширную переписку с Исполнительным комитетом. На его послания отвечала Вера Фигнер, ставшая с осени 1880 года секретарем Исполнительного комитета. Сохранился ряд подлинных писем Гартмана – они отложились в бумагах дошедшего до нас народовольческого архива. Одно из них, в частности, содержит два зашифрованных лондонских адреса, служивших передаточным звеном в переписке народовольца. КRYPTOграммы так и остались не разобранными при публикации. Теперь их прочтем мы. Но предварительно приведем фрагмент письма Гартмана, выполненного им химическим способом между строк нейтрального текста.

«14 октября 1880 года. Лондон.

Друзья! В виду того, что теперь половина октября и, следовательно, остается у меня пять недель до отъезда в Америку, прошу вас поторопиться с ответом на мои два большие последние письма. Получили ли вы их и разобрали ли? В виду того, что письма шлете вы все по одному адресу гренвилевскому, тогда как я дал еще адрес, повторяю этот второй и прибавляю еще третий адрес.

Первый адрес : Crownfield Road, Stratford E.

Второй адрес : Clarence Street, Essex Road. N.»

«...Первый адрес: Мистер Каннерс, Второй адрес: Мистер Алберт Бребант -

Я нашёл такие фамилии вот тут:

THE NEW
ANNUAL ARMY LIST,
MILITIA LIST,
AND
INDIAN CIVIL SERVICE LIST,
FOR 1880,

(BEING THE FORTY-FIRST ANNUAL VOLUME,)

CONTAINING

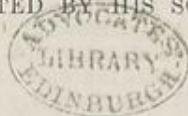
DATES OF COMMISSIONS, AND A SUMMARY OF THE WAR SERVICES
OF NEARLY EVERY OFFICER IN THE ARMY, ORDNANCE,
MARINES, AND INDIAN STAFF CORPS,
AND INDIAN LOCAL FORCES.

Corrected to the 31st December, 1879.

WITH AN INDEX.

BY THE LATE
LIEUTENANT GENERAL H. G. HART.

EDITED BY HIS SON.

LONDON:
JOHN MURRAY, ALBEMARLE STREET.

1880.

Рис. 12. ASSISTANT PAYMASTERS IN THE ARMY D.A.A. 4- QM. (Director of Army Accounts - The Directorate of Military Intelligence (DMI), a department of the British War Office. ТОЛЬКО КОГДА ВСЕ УМРУТ – ЗАКОНЧИТСЯ БОЛЬШАЯ ИГРА!

Процесс по делу 1 марта 1881 года был в России XIX века последним, на котором присутствовала пресса, в том числе и зарубежная («Times», «Figaro», «Standart», «Graphic» и др.). Оценив силу духа и благородство подсудимых, журналисты из «политических изуверов» и «головорезов» переименовали их в «пытливого химика» (Кибальчич), «утонченную леди» (Перовская), «гордого и непреклонного демагога» (Желябов).

Марк Твен – до убийства Александра II:

«Америка многим обязана России, она состоит должником России во многих отношениях, и в особенности за неизменную дружбу в годы ее великих испытаний Только безумный может предположить, что Америка когда-либо нарушит верность этой дружбы предумышленно-несправедливым словом или поступком».

Марку Твену поручили написать «адрес» – торжественную речь, которую гости должны были прочитать императору в знак благодарности за прием. «Адрес» начинался так: *«Мы – горсточка частных граждан Америки, путешествующих единственно ради собственного удовольствия, скромно, как и приличествует людям, не занимающим никакого официального положения, и потому ничто не оправдывает нашего появления перед лицом вашего величества, кроме желания лично выразить признательность властителю государства, которое, по свидетельству доброжелателей и недругов, всегда было верным другом нашего любимого отечества».*

Марк Твен в 1889, уже после убийства Александра II: *«Если правительство, подобное теперешнему русскому, не может быть низвергнуто иначе как динамитом, то слава Богу, что существует динамит».*

Казнь героев 1 марта вызвала волну возмущения по всему миру. Акции протеста прокатились по Парижу, Лондону, Женеве и другим городам. Женщины Парижа вотировали текст призыва «К женщинам всего мира», протестовали против казни Софьи Перовской, к которой проявляли глубокую симпатию даже умеренные круги. Многие страны охватила кампания за помилование Геси Гельфман. По всей Европе проходили митинги, Кропоткин и Лавров обратились за поддержкой к Виктору Гюго.

С поддержкой русских радикалов в течение рассматриваемого периода неоднократно выступали люди, по своим убеждениям весьма далекие от социалистических и революционных идеалов: психиатр и криминалист Чезаре Ломброзо, полярный исследователь Нильс Норденшельд, астроном Камиль Фламмарин, историк христианства Эрнест Ренан, философ Герберт Спенсер, журналист Джордж Кеннан, министр Джон Морли, публицист маркиз Анри Рошфор, поэт Чарльз Суинберн и многие другие. Изображаемый с явной авторской симпатией русский народоволец с конца 70-х годов стал весьма популярным героем западной литературы. К этому образу обращались Оскар Уайльд, Жюль Верн, Эмиль Золя, Альфонс Доде, Ги де Мопассан, Джон Голсуорси, Джозеф Конрад, Артур Конан Дойл, Этель Лилиан Войнич, Стефан Жеромский, Август Стринберг и ряд менее известных нам писателей и драматургов.

Жюль Верн сделал одним из героев своего романа «Михаил Строгов» народника Василия Федорова, сосланного в Сибирь. Политический ссыльный Сергей Наркин, тоже побывавший в Сибири, сочувственно обрисован и в романе Ж. Верна «Цезарь Каскабель».

Очень выразительно представлен народоволец Суварин в одном из лучших романов Э. Золя «Жерминаль» (1885 г.). Это человек сильный и стойкий, честный, принципиальный. Устами Суварина Золя рассказывает о казни пяти народовольцев как о варварском злодеянии.

Четвертый классик французской литературы А. Доде в романе «Тартарен на Альпах» (1883 – 1885 гг.) вывел целую группу народовольцев. Все они – героические и самоот-

верженные натуры. *«Я лично держусь того мнения, – говорит он устами Тартарена, – что и против диких зверей надлежит пользоваться узаконенным оружием».*

«Как необычны и милы ваши нигилисты!» – писал автору «Тартарена» Ги де Мопассан. «В пути» Мопассан изобразил народовольца, преследуемого царскими карателями, так же сочувственно, как это делал Доде.

В Англии крупнейшие поэты славили народовольцев и прочили гибель царизму. Д. Томсон сделал это в стихотворении «Деспотизм, устрешенный динамитом». Д. Коннел, по его словам, создавал песню «Красный флаг».

Подвиг Софьи Перовской воспел Г. Эллис, а Ч. Суинберн откликнулся на расправу царизма с народовольцами антицаристской одой «Россия».

Что касается художественной английской прозы, то несколько романов из жизни русских «нигилистов» написал У. Уэстол, отдельные образы народников сочувственно представлены в романах Д. Голсуорси («Вилла Рубейн»), Д. Конрада («На взгляд Запада»), А. Конан Дойля («Торговый дом Гердлстоун»), где среди «хороших людей» действует безымянный политэмигрант, «нигилист из Одессы», который «приговорен к смерти, и его обязательно казнят, надо только сперва поймать», человек смелый, решительный и во всех отношениях симпатичный. Благородные и самоотверженные «революционеры-нигилисты» Анна и Алексей, противопоставленные трусливому предателю Сергею, по чьей вине «некоторые отправились на виселицу, других сослали в Сибирь», выведены также в одном из рассказов Конан Дойля в Шерлоке Холмсе «Пенсне в золотой оправе».

Ну и конечно же, Э. Л. Войнич. – «Овод» и «Оливия Лэтам». Войнич изобразила Петербург 80-х годов с его вакханалией репрессий, а воплощением беззаветной борьбы против этого Петербурга сделала народовольца Дамарова.

Герой романа Марка Твена «Американский претендент» Селлерс строит фантастические планы освобождения России от царского гнета, замислив, в частности, купить Сибирь и основать в ней образцово-показательную республику, ибо, мол, *«в тамошних рудниках и тюрьмах собраны самые благородные, самые лучшие, самые наиспособнейшие представители рода человеческого, каких когда-либо создавал бог»*. Видный поэт США Д. Миллер написал тираническую балладу «Софья Перовская». В.М.Быков, основываясь на обширных изысканиях, предполагает, что «подвиги русских народовольцев» вдохновляли и Джека Лондона, когда он работал над некоторыми эпизодами романов «Железная пята» и «Бюро убийств».

В Японии еще до середины 1880-х годов вышел ряд произведений о русских народниках, в частности, две книги о Засулич: «Повести о героинях Европы» и «Трагедия русской героини».

Нужно отметить тот факт, что благодаря европейской общественности в марте 1882 года были спасены жизни девяти героев «Народной воли», приговоренных к смертной казни. Социалистические, буржуазные и даже консервативные круги осудили «людоедский» приговор по процессу «20-ти». Важная роль здесь снова принадлежала Виктору Гюго и его мощному «Призыву»: *«Цивилизация должна вмешаться! Сейчас перед нами беспредельная тьма, среди этого мрака десять человеческих существ, из них две женщины (две женщины!), обреченные на смерть Пусть русское правительство поостережется Оно должно опасаться первого встречного, каждого прохожего, любого голоса, требующего милосердия!»*. В России «Призыв» ходил под названием «CrydeVictorHugo». В результате были помилованы девять приговоренных, Суханову повешение заменили расстрелом.

1 марта 1881 года Вера Николаевна запишет: «Когда я вошла к себе, к друзьям, которые еще ничего не подозревали, то от волнения едва могла выговорить, ЧТОЦАРЬУБИТ. Я плакала, как и другие: тяжелый кошмар, на наших глазах давивший в течение десяти лет молодую Россию, был прерван; ужасы тюрьмы и ссылки, насилие и жестокость над сотнями и тысячами наших единомышленников, кровь наших мучеников - ВСЕ ИСКУПАЛА ЭТА МИНУТА.

ЭТО ПРОЛИТАЯ НАМИ ЦАРСКАЯ КРОВЬ; тяжелое бремя снималось с наших плеч; реакция должна была кончиться, чтобы уступить место обновлению России».

Вступление на престол императора Александра III

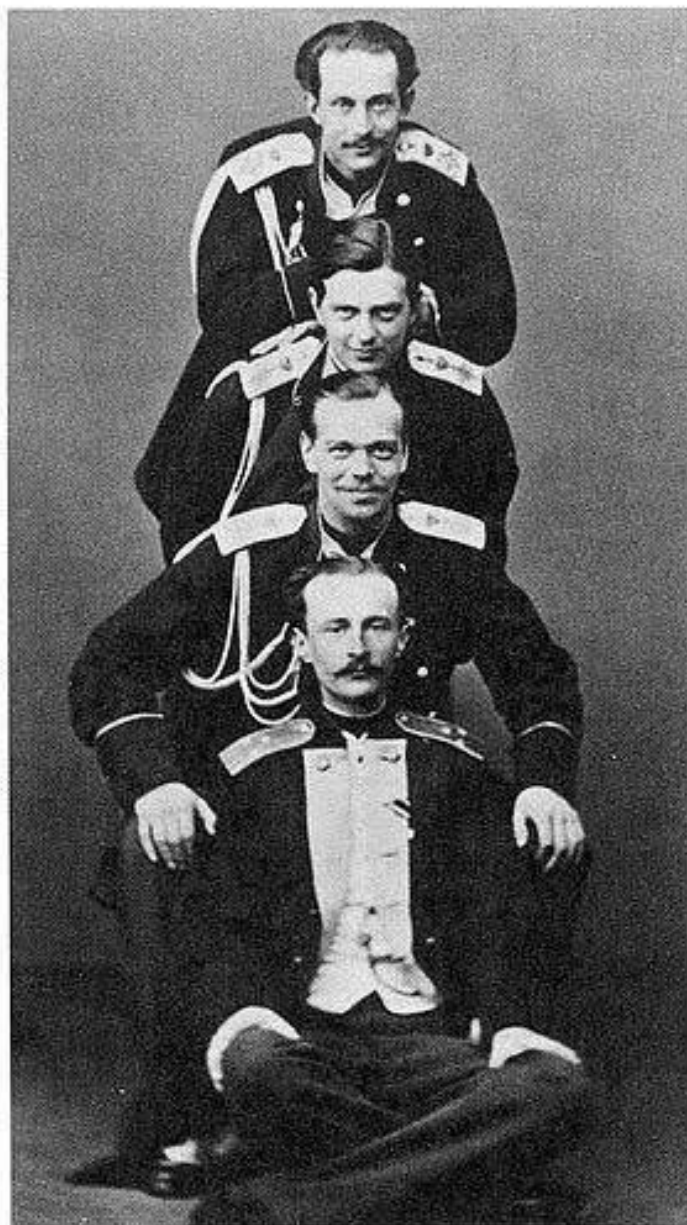

Рис. 13. Император России Александр III. 1881 г.

Александр III, отец последнего российского монарха Николая II, был прозван миротворцем за то, что в эпоху его правления (1881 – 1894) Россия не участвовала ни в одном крупном военном конфликте. Кроме того, в 1894 г. он заключил с Францией союз, спасший французов от войны с Германией и ее сателлитами: Италией и Австро-Венгрией. Будучи еще великим князем, Александр III прославился высказыванием о международном положении Российской

империи: *«Во всём свете у нас только два верных союзника – наша армия и флот. Все остальные, при первой возможности, сами ополчатся против нас».*

Великий князь Александр Александрович родился 26 февраля 1845 г. в Санкт-Петербурге. Александра не готовили быть государем, так как он являлся вторым по старшинству сыном императора Александра II. Престол предназначался его брату Николаю (1843 – 1865), который должен был наследовать российский престол. Ему же предстояло служить в гвардии, а затем занять высокий пост в военном ведомстве. С ранних лет его и наследника престола одновременно начали учить грамоте и военному делу. В 7 лет Александр стал прапорщиком (Присвоение звания прапорщик мальчику семи лет конечно же не говорит о его гениальности, просто родители имели такую возможность. Однако мальчик к полученному званию отнёсся ответственно, что несомненно характеризует его с положительной стороны), в 10 – подпоручиком, а в 18 был произведен в полковники.

Сверху вниз: герцог Николай Максимилианович Лейхтенбергский,
великий князь Владимир Александрович, цесаревич Александр Александрович
и герцог Альберт Саксен-Альтенбургский
Середина 1860-х

Рис. 14. Цесаревич Александр с родственниками

Будущего царя Александра III стали готовить к управлению государством, он получил чин генерал-майора и назначение в свиту отца, Его Величества Александра II.

Александр отличался высоким ростом и недюжинной силой. Он любил историю и географию, неплохо играл на трубе и тромбоне, из иностранных языков прекрасно знал французский, но изъясняться предпочитал на русском.

Вместе с титулом «цесаревич», который уже сам по себе накладывает на его обладателя определённые обязательства, Александру по наследству от брата досталась и невеста, ставшая впоследствии женой, – датская принцесса София Фредерика Дагмара.

Дело было так: Летом 1866 г. Александр поехал в Европу, намереваясь навестить в Копенгагене невесту умершего старшего брата. В июне этого же года состоялась помолвка Александра и Дагмары, а в октябре 19-летняя Дагмара приняла православие, после чего молодые обручились. На церемонии в Соборной церкви Зимнего дворца невеста Александра стала Великой княжной Марией Федоровной.

Брак, надо сказать, оказался счастливым. В семье всегда царили любовь и уют. Отношения родителей и детей, которых у Романовых родилось шестеро, были теплыми и доверительными.

Александр III и Мария Федоровна, фото 1878 г.

Вскоре после свадьбы, состоявшейся 28 октября 1866 г., Александр начал заниматься державной деятельностью, участвуя в заседаниях Государственного совета и Комитета министров. Спустя 4 года его назначили командиром 1 Гвардейской пехотной дивизии, а в 1874 году произвели в генералы от инфантерии и кавалерии в должности командующего Гвардейским корпусом Российской империи. В русско-турецкую войну 1877 – 1878 гг. будущий император командовал Восточным отрядом Дунайской армии и сделал для себя вывод: *«Всякий правитель, которому Богом вверен народ, должен принимать все меры, для того чтобы избежать ужасов войны, конечно, если его не вынудят к войне его противники. Тогда грех, проклятия и все последствия этой войны пусть падут на головы тех, кто эту войну вызвал».*

Рис. 15. Император Александр III на престоле, картина 1883 г.

1 марта 1881 г. террористическая организация «Народная воля» совершила убийство царя Александра II. Этим актом насилия «народовольцы» надеялись вызвать революцию и ускорить социальные преобразования. Александр Александрович вступил на престол на следующий день после трагической гибели отца. Став государем, он выбрал свой путь: полное искоренение крамолы, установление в империи спокойствия и порядка на традиционной основе (отец – царь, дети – подданные) и никаких конституционных и либеральных преобразований.

Утром 27 мая 1883 года в Успенском соборе Кремля прошли коронация и миропомазание российского императора Александра III и его супруги Марии Федоровны, урожденной принцессы Дагмар Датской. К тому моменту 38-летний государь фактически уже два года восседал на престоле, который занял после убийства его отца Александра II.

Казнь народовольцев – участников убийства Александра II

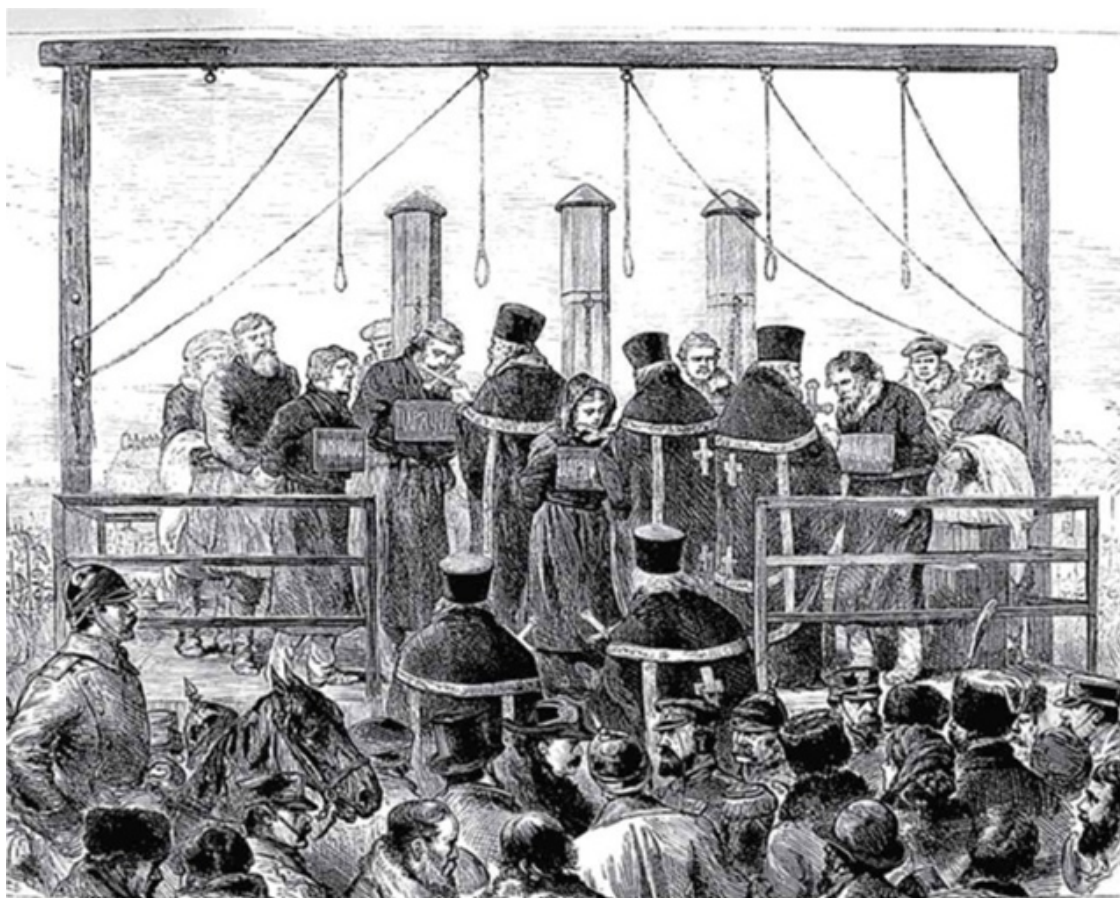

Рис. 16. Казнь народовольцев

Ранним утром 3 апреля 1881 года пятерых арестантов Дома предварительного заключения разбудили после беспокойной ночи. Бледным народовольцам предложили чай, переодели их в чёрные тюремные шинели и повели к «позорным колесницам». На груди каждого висела деревянная табличка: «Цареубийца». Это террористы – те, что организовали несколько покушений на Александра II, включая то, что произошло 1 марта 1881 г., роковое и последнее.

В повозках тюремщики привязали ремнями к скамьям руки приговорённых к смерти. Конвой из двух кавалерийских эскадронов и двух пехотных рот сопровождал их под гул толпы по Шпалерной, Литейному проспекту и далее по улицам Санкт-Петербурга к Семёновскому плацу (сегодня это Пионерская площадь). Там, под серым мартовским небом, уже собралась толпа. Жандармерия, палач Фролов в красной рубаше и его помощники подготовили эшафот – чёрный помост с пятью позорными столбами. Николай Кибальчич, Софья Перовская и Андрей Желябов отказались от причастия, но Николай Рысаков и Тимофей Михайлов общались со священниками довольно долго.

Около 9 часов утра преступников под руки подняли на эшафот и накинули им на шеи петли. Фролов завязал каждому глаза. Кибальчич и Перовская держались спокойнее остальных. Палач по очереди выдёргивал из-под ног цареубийц скамьи: Кибальчич, Михайлов, Перовская, Желябов и, наконец, Рысаков. Михайлова пришлось трижды вешать под негодующий шум толпы – дважды верёвка обрывалась. Всё действие заняло не более полчаса. Ещё

через 20 минут трупы висельников солдаты убрали в гробы и увезли. Толпа стала расходиться с последней публичной казни в истории России.

Исполнению приговора предшествовал суд, который стал последним публичным политическим процессом в Российской империи. Судило народовольцев Особое присутствие Правительствующего Сената во главе с Эдуардом Яковлевичем Фуксом. Процесс начался 26 марта, а к 29-му суд вынес вердикт. Дело было ясное, своей вины в организации покушений подсудимые не отрицали. Особое присутствие помиловало только беременную Гесю Гельфман, казнь ей заменили пожизненной каторгой (Гельфман умерла в тюрьме в 1882 г. от послеродового воспаления; ребёнок тоже вскоре скончался).

Рис. 17. На Семёновском плацу.

Наследник престола Александр III остался недоволен тем, как прошёл процесс. Общество, безусловно, возмущённое злодеянием социалистов-революционеров, услышало и их голос. Идеалисты-радикалы использовали суд как трибуну, с которой заявили, что они не исчадия ада, а члены партии «Народная воля», готовые на всё ради своих убеждений. Сдался только юный Рысаков (это он бросил первую бомбу 1 марта, которая, однако, не причинила вреда императору), он же дал следствию исчерпывающие показания о «Народной воле» и её членах, так что перед казнью товарищи даже не стали с ним прощаться. Остальные, как говорил первый присутствующий Фукс, «вели себя независимо и стойко».

Примечание: Второй метальщик, Игнатий Гриневицкий, на суде уже не мог оказаться: это его бомба убила Александра II, но и сам он 1 марта скончался от ран в госпитале.

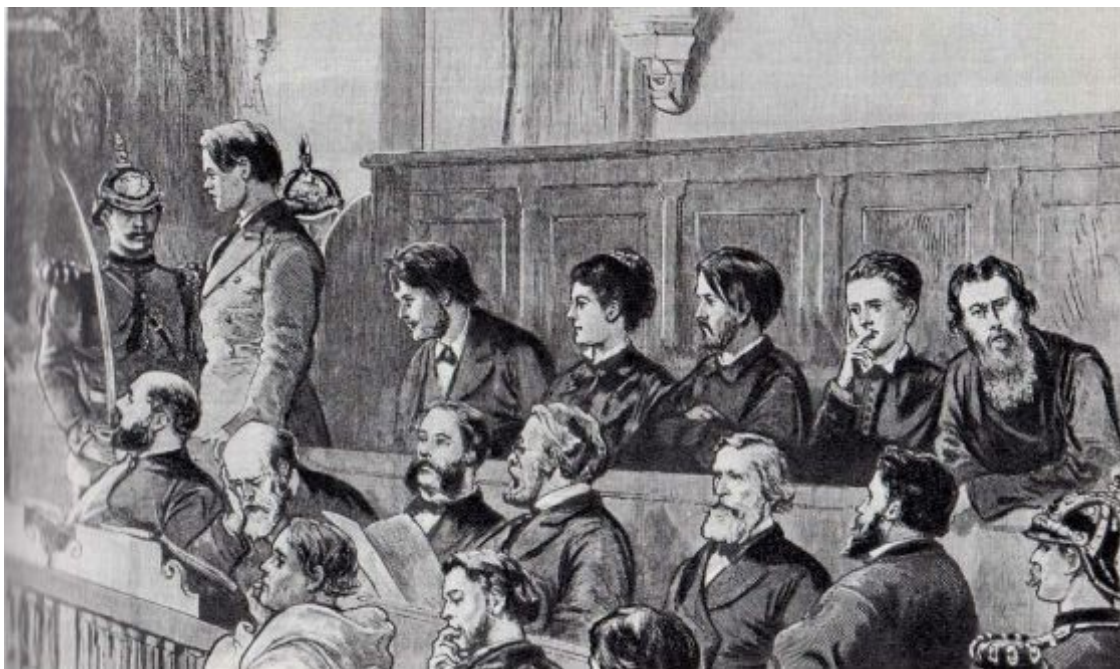

Рис. 18. Обвиняемые в суде.

Кибальчича тот же Фукс назвал человеком *«замечательного ума, необыкновенной выдержки, адской энергии и поразительного спокойствия»*. Человек с инженерным образованием, он конструировал бомбы и гордился своими изобретательскими находками; в тюрьме перед казнью не прекращал работать и даже успел спроектировать пороховой ракетный двигатель. Перовская (гражданская жена Желябова) руководила последним покушением и после ареста товарищей хотела их освободить, из Петербурга не бежала. Спокойно держался и Михайлов. Желябов, которого полиция арестовала за два дня до убийства императора, вообще мог избежать смерти, но потребовал судить и его; он заявил прокурору: *«было бы вопиющею несправедливостью сохранить жизнь мне, многократно покушавшемуся на жизнь Александра II и не принявшему физического участия в умерщвлении его лишь по глупой случайности. Я требую приобщения себя к делу 1 марта и, если нужно, сделаю уличающие меня разоблачения»*.

Рис. 19. Гибель Александра II

Желябов отказался от адвоката. Он хотел, чтобы его речь прозвучала на суде – вся страна следила за самым громким в XIX веке гласным политическим процессом. Как лидер «Народной воли» Желябов считал своим долгом что-то противопоставить многочасовой обвинительной речи прокурора в конце разбирательства. Обвинитель Николай Валерианович Муравьев назвал идеи народovolьцев «*системой цареубийства, теорией кровопролития, учением резни*», а социализм – чуждым России западным изобретением и «исторической бедой» Запада. Разумеется, оправдать содеянное было невозможно, но цель Желябова состояла в ином – народovolec желал «представить цель и средства партии в настоящем их виде». Вполне осуществить задуманное он не смог. Однако судья Фукс, судя по всему, несколько стеснялся своей роли в процессе. Позднее он жаловался: «*Я попал в неловкое положение, т.е. давал свободу слова одной стороне и зажимал рот другой*». Наверное, потому он всё же позволил Желябову кое-что сказать в ответ обвинению.

Желябов рассказал, как он и его товарищи революционизировались. Ответственность за это он возложил на самодержавие: «*русские народovolьцы не всегда действовали метательными снарядами, () в нашей деятельности была юность, розовая, мечтательная, и если она прошла, то не мы тому виной [судья перебивает]. () «Итак, мы, переиспытав разные способы действовать на пользу народа, в начале 70-х годов избрали одно из средств, именно положение рабочего человека, с целью мирной пропаганды социалистических идей. Движение крайне безобидное по средствам своим. И чем оно кончилось? Оно разбивалось исключительно о многочисленные преграды, которые встретило в лице тюрем и ссылок. Движение совершенно бескровное, отвергавшее насилие, не революционное, а мирное, было подавлено*». Таким образом,

Желябов убеждал: когда самодержавие подавило мирную деятельность, оно не оставило народо-довольцам иного выхода, кроме как «рассечь гордиев узел» – «перейти к насилию» и задумать государственный переворот.

Рис. 20. Император Александр II

Трагедия 1 марта 1881 г. заключается не только в кровавом убийстве человека, последовавшей казни пятерых молодых радикалов и гибели Геси Гельфман и её ребёнка, но и в том, что умерщвление Александра II развернуло историю России на путь, противоположный тому, которого желали бы и сами народо-довольцы. Убитый император не просто понимал ценность свободы народа (уже редкость для правителей России!), но и лично рисковал ради неё. Газета «Страна» справедливо вопрошала спустя два дня после теракта: *«Какое преступное нетерпение дерзало винить лично монарха, сделавшего столь много, за то, что он не сделал ещё больше?»*.

Погибший император не только отменил крепостное право и провёл ещё несколько великих реформ, которые изменили облик Российской империи, но и говорил единомышленникам: *«Мы идём к конституции»*. Александр II собирался разрешить мирную политическую деятельность и расширить институт народного представительства. Соответствующий Манифест уже лежал на столе М.Т.Лорис-Меликова, готовый к обнародованию в ближайшие дни. Цареубийцы же убедили Александра III в том, что Россия ещё не созрела для либеральных перемен, и отцовский Манифест он публиковать отказался. Новый монарх решил охранять самодержавие. Тем, кто желал преобразований, пришлось ждать новой крови, революции и реформ 1905 года.

Подписание Александром III «Манифеста о незыблемости самодержавия»

Рис. 21. К.П.Победоносцев

29 апреля (старый стиль) 1881 года Императором Александром III был дарован Манифест, который предельно четко расставил все акценты и определил все последующее царство-

вание нового Государя. Официально он назывался несколько громоздко и тяжеловесно, но в то же время заголовок давал полное представление о его содержании: «О призыве всех верных подданных к служению верою и правдою Его Императорскому Величеству и Государству, к искоренению гнусной крамолы, к утверждению веры и нравственности, доброму воспитанию детей, к истреблению неправды и хищения, к водворению порядка и правды в действии учреждений России». Однако в историю этот документ вошел с более кратким, но не менее выразительным названием: как «Манифест о незыблемости самодержавия».

Документ этот готовился обер-прокурором Св. Синода, видным консервативным деятелем К.П.Победоносцевым втайне от либеральных министров. Последние узнали о Манифесте лишь поздно вечером на совещании у графа М.Т.Лорис-Меликова. *«Такая неожиданная новость, – отмечал военный министр Д.А.Милютин, – поразила нас как громом: какой манифест? Кем он изготавлен? С кем советовался Государь? (...) Гр. Лорис-Меликов и А.А.Абаза в сильных выражениях высказали свое негодование и прямо заявили, что не могут оставаться министрами. Я присоединился к их мнению».* По словам же Победоносцева, чтение Манифеста вызвало у большинства министров взрыв негодования: *«Абаза, выходя из себя, кричал: надо остановить, надо требовать, чтобы Государь взял назад это нарушение контракта, в который он вошел с нами... Лорис остановил его».*

Однако Император Александр III, ознакомившись с проектом Манифеста, был совершенно иного мнения. В письме к брату Великому князю Владимиру Александровичу он писал: *«Я давно об этом думал, но многие отсоветовали и министры все обещали мне своими действиями заменить Манифест, но так как я не могу добиться никаких решительных действий от них, а между прочим шатание умов продолжается все более и более, и многие ждут чего-то необыкновенного, то я решился обратиться к Константину Петровичу Победоносцеву составить мне проект Манифеста, в котором бы высказано было ясно, какое направление делам желаю я дать, и что никогда не допущу ограничения Самодержавной власти, которую нахожу нужною и полезною России. Кажется, Манифест составлен очень хорошо... (...) Итак дай Бог, в добрый час».* А за пару недель до этого, получив от российского посла в Берлине П.А.Сабурова информацию, что немецкий канцлер убежден в том, что не расширение реформ, а лишь решительные меры против революционеров помогут верховной власти в России укрепить свое положение и престиж, Александр III замечал: *«Это до того верно и справедливо, что, дай Бог, чтобы всякий русский, а в особенности министры наши поняли наше положение, как его понимает князь Бисмарк, и не задавались бы несбыточными фантазиями и паршивым либерализмом».*

Поэтому, несмотря на давление со стороны министров-либералов, 30 апреля царский Манифест был опубликован в «Правительственном вестнике», вызвав у консервативной части общества ликование, а у либеральной - возмущение.

Что же представлял собой этот царский Манифест, вызвавший такое возмущение в либеральном лагере? Позволим об этом судить читателям, предоставив полный текст документа:

«Объявляем всем верным Нашим подданным:

Богу, в неисповедимых судьбах Его, благоугодно было завершить славное Царствование Возлюбленного Родителя Нашего мученическою кончиной, а на Нас возложить Священный долг Самодержавного Правления.

Повинуясь воле Провидения и Закону наследия Государственного, Мы приняли бремя сие в страшный час всенародной скорби и ужаса, пред Лицем Всевышнего Бога, веруя, что предопределив Нам дело Власти в столь тяжкое и многотрудное время, Он не оставит нас Своею Всесильною помощью. Веруем также, что горячие молитвы благочестивого народа, во всем свете известного любовью и преданностью своим Государям, привлекут благословение Божие на Нас и на подлежащий Нам труд Правления.

В Бозе почивший Родитель Наш, приав от Бога Самодержавную власть на благо вверенного Ему народа, пребыл верен до смерти принятому Им обету и кровию запечатлел великое Свое служение. Не столько строгими велениями власти, сколько благостью ее и кротостью совершил Он величайшее дело Своего Царствования – освобождение крепостных крестьян, успев привлечь к содействию в том и дворян-владельцев всегда послушных гласу добра и чести; утвердил в Царстве Суд, и подданных Своих, коих всех без различия соделал он на всегда свободными, призвал к распоряжению делами местного управления и общественного хозяйства. Да будет память Его благословенна во веки!

Низкое и злодейское убийство Русского Государя, посреди верного народа, готового положить за Него жизнь свою, недостойными извергами из народа, – есть дело страшное, позорное, неслыханное в России, и омрачило всю землю нашу скорбью и ужасом.

Но посреди великой Нашей скорби Глас Божий повелевает Нам стать бодро на дело Правления в уповании на Божественный Промысл, с верою в силу и истину Самодержавной Власти, которую Мы призваны утверждать и охранять для блага народного от всяких на нее попользований.

Да ободрятся же пораженные смущением и ужасом сердца верных наших подданных, всех любящих Отечество и преданных из рода в род Наследственной Царской Власти. Под сению Ее и в неразрывном с Нею союзе земля наша переживала не раз великие смуты и приходила в силу и в славу посреди тяжких испытаний и бедствий, с верою в Бога, устрояющего судьбы ее.

Посвящая Себя великому Нашему служению, Мы призываем всех верных подданных наших служить Нам и Государству верой и правдой, к искоренению гнусной крамолы, позорящей землю Русскую, – к утверждению веры и нравственности, – к доброму воспитанию детей, – к истреблению неправды и хищения, – к водворению порядка и правды в действии учреждений, дарованных России Благодетелем ее, Возлюбленным нашим Родителем».

Досада и негодование оппозиционного лагеря, с подачи которого Манифест из-за содержавшегося в нем речевого оборота: «...а на Нас возложить Священный долг Самодержавного Правления» тут же окрестили «ананасовым», вполне понятны, ведь Манифест хоронил надежды на конституционные преобразования государственного строя и дальнейшую демократизацию жизни. В нем не было ни слова о реформах, ни о «конституции» Лорис-Меликова... Либерально и революционно настроенным современникам даже казалось, что документ этот «дышал вызовом и угрозой». Поэтому практически сразу же после издания Манифеста либеральные министры – М.Т.Лорис-Меликов, А.А.Абаза, Д.А.Милютин – в знак протеста подали в отставку. И тем самым, как замечает историк И.Е.Дронов, «окончательно саморазоблачились», ведь поскольку в Манифесте речь шла лишь о незыблемости самодержавия, а не отказе от реформ, то возмущение этим документом означало лишь одно: либералы не мыслили себе реформирования страны без ограничения царской власти конституцией.

Это, кстати, сразу же понял Государь, заметивший в письме к Лорис-Меликову, что его прошение об отставке совпало с днем объявления Манифеста подданным. *«Это обстоятельство, – писал Александр III, – наводит меня на весьма грустные и странные мысли?!...»* Об этом же говорилось в резолюции Императора на прошении Абазы: *«...Без единства между министрами никакое дело идти не может. Грустно только, что поводом Вашей просьбы послужил мой Манифест, в котором я заявляю России о твердом моем намерении охранять в неприкосновенности Самодержавную власть. Сожалею, что ни Вы, ни граф Лорис-Меликов не нашли более приличного повода...»*

Но на Манифест Александра III была и совершенно иная реакция. К.П.Победоносцев сообщал в частном письме к Государю: *«...В среде здешнего чиновничества манифест встречен унынием и каким-то раздражением: не мог и я ожидать такого безумного ослепления. Зато все здравые и простые люди несказанно радуются. В Москве ликование, – вчера там читали*

его в соборах и было благодарственное молебствие с торжеством. Из городов приходят известия о всеобщей радости от появления манифеста. (...) Лишь бы только не замедлили теперь явственные знаки той политики, которая возвещена в манифесте».

Вторил Победоносцеву и известный консервативный публицист, редактор «Московских ведомостей» М.Н.Катков, писавший 30 апреля: *«Теперь мы можем вздохнуть свободно. Конец малодушию, конец всякой смуте мнений! Перед этим непререкаемым, перед этим столь твердым, столь решительным словом Монарха должна наконец поникнуть многоглавая гидра обмана. Как манны небесной народное чувство ждало этого царственного слова. В нем наше спасение: оно возвращает русскому народу русского Царя Самодержавного, от Бога принявшего власть Свою и лишь пред Богом ответственного. Посрамлены ковы наших врагов и поползновения малодушных в нашей среде умалить и унижить священную власть и отнять у нашего народа его драгоценнейшее достояние, наследие его многовековой страды и крови, силу его жизни, залог его будущего. Да здравствует вступивший на царский путь возлюбленный Государь наш, да благословит Бог начало Его царствования и да даст мощь исполнения Его благим предначертаниям!»*

Рис. 22. М.Н.Катков

А князь В.П.Мещерский, ознакомившись с текстом Манифеста, писал Победоносцеву: *«Манифест – первый луч во тьме, первое веяние царской власти в кошмаре, нас давящем. Ваше имя на всех устах, но для меня тут не Вы, а исполнение того, во что я верую: действие Божьего Промысла, за эти месяцы страшно очевидного и страшно близкого к нам...»*

На смену либеральному курсу, доведшего страну до царубийства, приходило время консервативной реакции, призванной выправить курс государственного корабля, исправить допущенные ошибки и умиротворить взбудораженное общество. *«И вот тьма смуты, прорезанная ярким, как молния, светом царского слова, стала быстро рассеиваться, – писал исследователь царствования Императора Александра III В.В.Назаревский. – Крамола, казавшаяся неодолимой, таяла как воск перед лицом огня, исчезала, как дым под крылами ветра. Смуты в умах стала быстро сменяться русским здравомыслием, распущенность и своеволие уступили место порядку и дисциплине. Вольномыслие уже не попирало Православие как некое ультрамонтанство и нашу родную Церковь как клерикализм. Авторитет бесспорной и наследственной национальной верховной власти стал опять на свою историческую традиционную высоту».*

Подписание «Договора трех императоров»

Рис. 23. Император Российской империи Александр III

Заключая союз с Австро-Венгрией, Бисмарк учитывал таящиеся в нём опасности. Однако он был уверен, что этот враждебный России акт сойдет ему с рук безнаказанно. В силу финансового истощения и тревожного внутреннего положения страны царское правительство и думать не могло о возобновлении в ближайшие годы наступательной политики. Потребность

в передышке вызывалась ещё и тем, что продолжалось преобразование русской армии, задуманное военным министром Д.А.Милютиным. Новая война помешала бы закончить это дело. Между тем Берлинский конгресс вскрыл крайнюю напряжённость русско-английских отношений. Царское правительство опасалось, что в случае нового конфликта с Англией возможно появление английского флота в проливах и Чёрном море. На Берлинском конгрессе выяснилось, что Англия отнюдь не намерена соблюдать принцип закрытия проливов для военных судов. Если бы Англия стала хозяйкой проливов, тысячевёрстное побережье Чёрного моря оказалось бы открытым для пушек английского флота, а вся внешняя торговля южной России – зависимой от воли Англии.

Перед лицом такой опасности России, прежде всего, нужно было обзавестись своим флотом на Чёрном море. Но, во-первых, флот нельзя было построить в один день; во-вторых, на его постройку нужны были большие деньги, которых у царского правительства не было. Приступить к постройке военного флота оно смогло лишь в 1881 г., через три года после окончания русско-турецкой войны. Спущены же на воду первые броненосцы на Чёрном море были только в 1885 – 1886 годах.

Готовясь к возможной борьбе против Англии, Россия была чрезвычайно заинтересована в том, чтобы выйти из состояния той политической изоляции, в которой она оказалась па Берлинском конгрессе. При этом русская дипломатия стремилась отдалить от Англии её вероятных союзников и прежде всего английскую сратницу на Берлинском конгрессе – Австро-Венгрию. Далее Россия собиралась дать почувствовать самой Англии, что Россия может причинить ей неприятности в таком чувствительном месте, как северо-западные подступы к пределам Индии. В том же плане предполагалась попытка оторвать Турцию от Англии. Наконец, при отсутствии флота важно было продвинуть хотя бы сухопутные силы России поближе к проливам. Первую из этих задач русская дипломатия рассчитывала разрешить возобновлением соглашения трех императоров; вторую – продвижением русских в Средней Азии; решение третьей отчасти предусматривалось тем же соглашением трёх императоров. Но, главное, этому неожиданно помог захват Англией Египта: он оттолкнул Турцию от Англии и разрушил англо-турецкий союз. Четвёртую задачу русское правительство рассчитывало осуществить путём закрепления русского влияния в Болгарии и организации болгарской армии под руководством русских офицеров. Господствуя на болгарском плацдарме, Россия могла держать под ударом проливы. Таковы были цели, которые обстановка конца 1878 г. выдвигала перед руководителями русской дипломатии.

Осуществление указанных дипломатических задач совпало с переменами в руководстве русской внешней политикой. Князь Горчаков с конца лета 1879 г. почти совсем устранился от дел из-за расстроенного здоровья; в 1879 г. ему минул 81 год. Формально он оставался министром до 1882 г., но с 1879 г. управление министерством было поручено товарищу министра Н.К.Гирсу. Гирс был чиновником не глупым, но ни в какой мере не выдающимся. Робость и нерешительность были едва ли не основными его свойствами. Больше всего он боялся ответственности. К тому же он не имел ни связей, ни состояния, а тому и другому придавалось в те времена большое значение. Гирс очень дорожил своим служебным положением и своим окладом. Нового царя, Александра III, он боялся панически. Когда Гирс отправлялся с докладом к царю, ближайший помощник его Ламздорф шёл в церковь молиться о благополучном исходе доклада. Вдобавок Гирс был немцем. Он неустанно заботился о том, чтобы не задевать немецких интересов и быть приятным Бисмарку. Только ради этого и проявлял иногда инициативу этот серый человек. Подчас он выступал буквально как немецкий агент.

В 1878 – 1881 гг., т.е. в последние годы царствования Александра II, через голову Гирса оказывает воздействие на руководство русской дипломатии несравненно более крупная фигура, военный министр Д.А.Милютин. Милютин участвовал в целом ряде военных походов, однако по своему складу он был больше профессором военного искусства и первокласс-

ным военным организатором, нежели полководцем и боевым генералом. Правда, Милютин не имел дипломатического опыта; однако, в отличие от Гирса, это была сильная личность. Пока он пользовался влиянием, т.е. пока был жив Александр II, Милютин мог считаться фактическим руководителем внешней политики России. Главную задачу этой политики он видел в том, чтобы обеспечить стране передышку для завершения реорганизации русской армии.

Рис. 24. Император Германской империи Вильгельм II

Для восстановления нормальных отношений и договорных связей с Германией в Берлин был послан Сабуров. Вскоре он назначен был туда послом вместо Убри, которого Бисмарк

ненавидел, считая его сторонником франко-русского сближения. Ещё 1 сентября 1879 г., после поездки Мантейфеля к царю, Бисмарк полагал, что переговоры с Россией о союзе невозможны: они затруднили бы сближение Германии с Австрией. Но после того как с Австрией дело было закончено, Сабуров нашёл канцлера в совершенно ином настроении. Правда, Бисмарк начал с жалоб на «неблагодарность» и враждебность России. По его словам, до него дошли сведения, будто Россия предлагает союз Франции и Италии. Канцлер дал понять, что сам он уже достиг соглашения с Австрией. Однако после всего этого он заявил, что готов приступить к восстановлению союза трёх императоров. Участие Австрии он ставил непременным условием соглашения с Россией. Сабуров вначале вообразил, что с Германией удастся договориться не только без Австрии, но и против неё. Однако вскоре русским дипломатам пришлось убедиться в невозможности такого оборота дела.

Гораздо больше затруднений доставили Бисмарку австрийцы. Надеясь на сотрудничество с Англией, австрийские политики долго не желали идти на сделку с Россией. Однако в апреле 1880 г. произошло событие, сделавшее Австрию более сговорчивой. Пал кабинет Биконсфильда; на смену ему пришёл Гладстон. Вся избирательная кампания проводилась Гладстоном под лозунгом борьбы против внешней политики Биконсфильда. Гладстон провозглашал обычные либеральные лозунги: «европейский концерт», отказ от каких-либо сепаратных выступлений, свобода и равенство наций, экономия в военных расходах и уклонение от всяких союзных договоров, которые могли бы связывать внешнюю политику Англии. По существу политика Гладстона оставалась политикой колониальной экспансии; именно при нём совершилась оккупация Египта британскими войсками. Но некоторое реальное содержание во всей этой либеральной фразеологии всё же имелось. Восстановление «европейского концерта», разрушенного Биконсфильдом в момент отклонения Берлинского меморандума, и лозунг свободы и равенства наций в переводе на простой язык означали отказ от англо-турецкого союза, а также от фактического протектората над Турцией, т.е. от основ внешней политики Биконсфильда, ради попытки соглашения с Россией. При прямом поощрении со стороны Биконсфильда султан медлил с осуществлением ряда неприятных для него постановлений Берлинского конгресса. К числу их относилось исправление границ Черногории и Греции Гладстон резко ускорил исполнение этих решений. Осенью 1880 г. и в начале 1881 г. Россия и Англия, при пассивной поддержке Франции и Италии, принудили султана уступить Греции Фессалию и удовлетворить претензии Черногории, в противном случае, они угрожали применить силу по отношению к Турции.

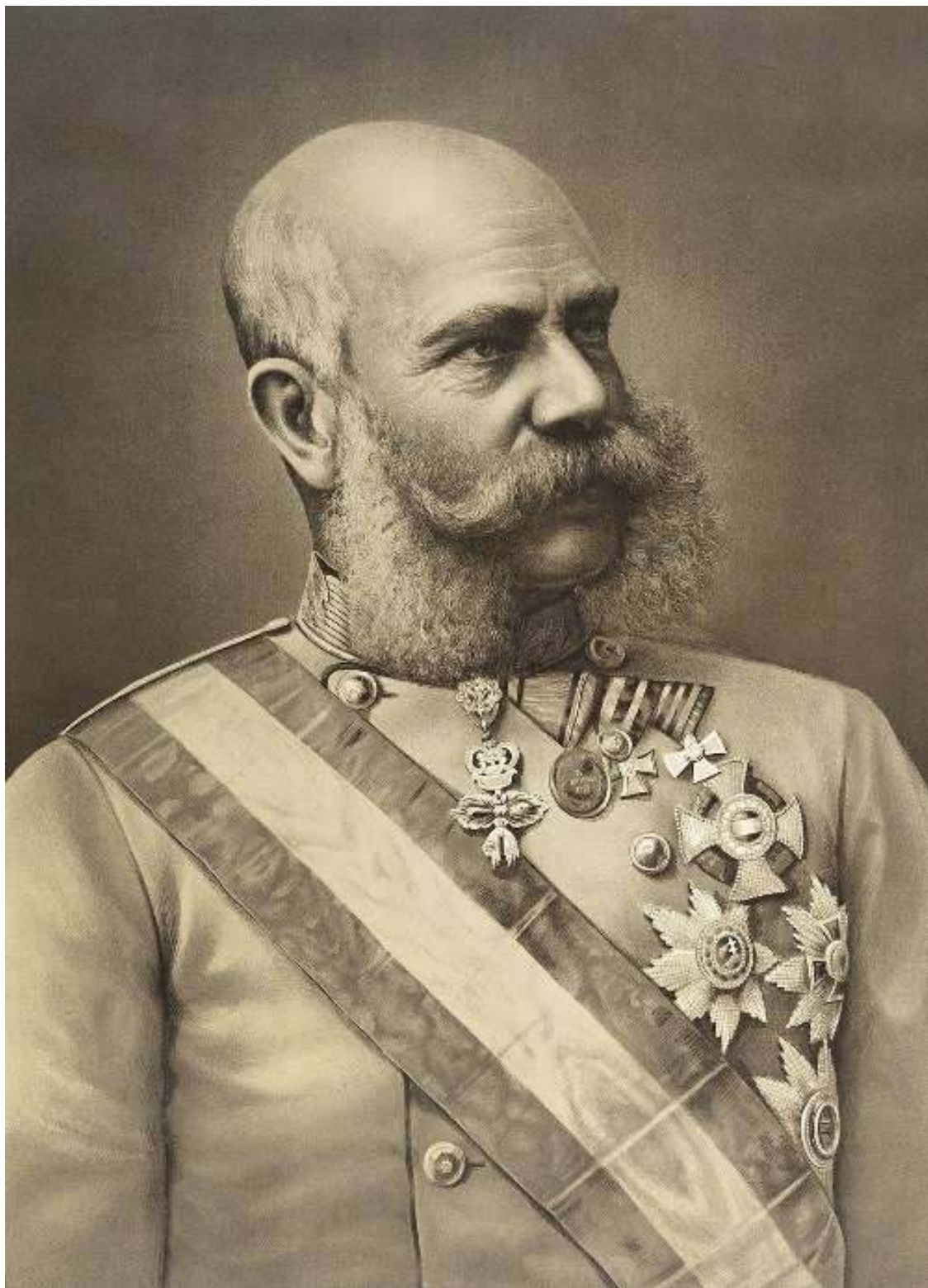

Рис. 25. Император Австро-Венгерской империи Франц Иосиф I

Рассчитывать на поддержку Англии Австрия теперь явно не могла. Более того, перед ней вырастала угроза англо-русского соглашения. Некоторое время австрийцы не хотели этому верить, и потому переговоры с Россией протянулись ещё около года. Наконец, австрийцы поняли, что от Гладстона им ждать нечего. Тогда колебаниям их пришёл конец. 18 июня 1881 г. был подписан австро-русско-германский договор. По примеру договора 1873 г., он тоже вошёл в историю с громким титулом «союза трёх императоров». В отличие от договора 1873 г., кото-

рый был консультативным пактом, договор 1881 г. являлся прежде всего соглашением о нейтралитете.

Договаривающиеся стороны взаимно обязывались соблюдать нейтралитет, в случае если какая-либо из них окажется в состоянии войны с четвёртой великой державой. Это означало, что Россия обязывалась перед Германией не вмешиваться во франко-германскую войну. По видимому, тут сказалось воздействие Гирса и других германистов из царского окружения. Германия и Австрия в обмен гарантировали то же самое России на случай англо-русской войны. Гарантия нейтралитета распространялась и на случай войны с Турцией, при том, однако, непременном условии, чтобы заранее были согласованы цели и предполагаемые результаты этой войны. Было предусмотрено, что никто из участников договора не станет пытаться изменить существующее территориальное положение на Балканах без предварительного соглашения с двумя другими партнёрами. Кроме того, Германия и Австрия обещали России, что окажут ей дипломатическую поддержку против Турции, если та отступит от принципа закрытия проливов для военных судов всех наций. Этот пункт был особенно важен для русского правительства. Он предупреждал возможность англо-турецкого соглашения и устранял опасность появления английского флота в Чёрном море. Таким образом, посредством договора 18 июня 1881 г. Германия гарантировала себе русский нейтралитет в случае своей войны с Францией; Россия же обеспечивала для себя нейтралитет Германии и Австрии при войне с Англией и Турцией.

Договором 18 июня 1881 г. Бисмарк обеспечивал безопасность Германии, устраняя возможность заключения франко-русского союза в обмен за свои гарантии для России на случай англо-русской войны. Уязвимым местом всей этой дипломатической комбинации было то, что согласие трёх императоров могло держаться лишь до тех пор, пока не проснутся вновь австро-русские противоречия, смягчившиеся было после окончания восточного кризиса 1875 – 1878 гг. Иначе говоря, соглашение трёх императоров было прочно лишь постольку, поскольку положение на Ближнем Востоке оставалось более или менее спокойным.

О мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия

Рис. 26. Жандармы Российской империи

140 лет назад 14 августа 1881 г. Александр III утвердил «Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия и приведения определенных местностей империи в состояние усиленной охраны».

Положение было введено сроком на три года.

Предполагалось, что теперь любая местность по решению главы МВД может быть объявленной на положении либо усиленной, либо чрезвычайной охраны. В это время министр, генерал-губернатор, жандармы и полиция получали дополнительные права – могли арестовывать подозреваемых на 2 недели, генерал-губернатор мог передать любое дело в военный трибунал, закрыть любое учебное заведение, выслать любого человека. Хотя «Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» формально вводилось как временное (сроком на три года), оно регулярно продлевалось царским правительством и фактически действовало около 36 лет, вплоть до Февральской революции 1917 года. Оно оставалось «одним из самых устойчивых основных законов Российской империи». В начале XX века режим усиленной охраны распространялся более чем на 1/3 населения страны.

При МВД было создано особое совещание, которое состояло из трех членов и председателя, они решали дела в отсутствие обвиняемых. За период с 1881 по 1904 г. состоялось 153

заседания Особого совещания, на которых было рассмотрено 7 159 дел и привлечено к ответственности 11 879 человек. Из них по первой категории – «политически неблагонадежных» – 2 971 дело с общим числом привлеченных 4 077 человек; во второй категории – обвиняемых в «подстрекательстве рабочих к забастовкам» – 351 дело (1 891 человек); по третьей категории – обвиняемых в аграрных беспорядках – 350 дел (733 человек); по четвертой категории – 3 279 дел по обвинению в порочном поведении (4 424 человека) и 253 дела по обвинению в «сектантской пропаганде» (744 человека).

Основание Крестьянского поземельного банка

Рис. 27. Русские крестьяне XIX век

18 мая 1882 Александр III утвердил положение о Крестьянском поземельном банке. 10 апреля 1883 года Крестьянский поземельный банк начал выдавать ссуды. Новое финансовое учреждение было необходимо для решения земельного вопроса. Оно должно было помочь крестьянам приобретать участки в частное владение. Это было необходимо, т.к. реформа 1861 года решила далеко не все проблемы, стоявшие перед российским обществом. За 35 лет существования банка с его помощью были выкуплены земли общей площадью в полторы современных Болгарии, но в масштабах царской империи это оказалось не так много.

В России, как и в ряде других государств Восточной, а также Центральной Европы, крепостное право задержалось надолго и являлось серьёзным тормозом социально-экономического развития страны.

В ситуации, когда значительная часть населения страны была лишена всех основных прав и свобод, эффективно развивать экономику у государства не получалось. Люди не были заинтересованы в должной мере в результатах своего труда. Крестьянская реформа в России к середине XIX века не только назрела, но и запоздала.

По итогам реформы 1861 года крестьяне получили мобильность, это освободило огромные рыночные силы.

Рис. 28. Воду привезли (крестьяне на работе в поле)

Но даже после проведения реформы 1861 года крестьяне фактически так и не стали до конца свободными. Вплоть до 1903 года они не могли определять свою судьбу без одобрения сельской общины, а до 1905 – 1907 годов выплачивали помещикам «выкуп» за землю, в несколько раз превышавший её реальную стоимость. Кроме того, ввиду нехватки свободных средств крестьянин не мог позволить себе приобрести подходящий ему земельный участок для ведения хозяйства. А отсутствие земли в значительной мере обесценивало статус их личной свободы, закрепляя фактическую зависимость от помещиков и состоятельных земляков, успевших обзавестись крупными наделами.

В этой ситуации и начал свою работу банк, давший крестьянам шанс из частично свободных людей превратиться в независимых землевладельцев.

Кредитование в России появилось задолго до реформы 1861 года. Заёмные средства под «обустройство поместий» начали выдавать по инициативе императрицы Елизаветы Петровны в середине XVIII века – более чем за сто лет до описываемых событий.

Вот только доступны такие кредиты были исключительно представителям привилегированных сословий. Причем платёжная дисциплина у российских помещиков была не на высоте, и кредитование развивалось медленно.

Крестьянская реформа резко изменила ситуацию. В стране появились миллионы людей, которые остро нуждались в средствах, чтобы встать на ноги. Учитывая то, что крестьяне активно прибегали даже к краткосрочному кредитованию в сельских банках и сберегательных кассах, власти пришли к выводу о целесообразности создания финансового учреждения, которое могло бы выдавать народу на длительный срок значительные суммы денег, достаточные для приобретения земельных участков.

Рис. 29. Крестьянский поземельный банк

Идею поддержал и царь. На проекте, который разработали Николай Игнатьев – министр внутренних дел, Михаил Островский – министр государственных имуществ, и Николай Бунге – министр финансов, Александр III после обсуждения в госсовете поставил визу: «Быть посему».

Крестьянский банк находился в ведении Министерства финансов. На его устройство из средств Госбанка было выделено 500 тыс. руб. Первоначально в его состав входило всего девять отделений. Ссуда могла выдаваться на срок от 24,5 до 34,5 лет. Средства выделялись под 7,5 – 8,5% годовых и не могли составлять более 80 – 90% от оценочной стоимости приобретаемого участка. Представители власти считали, что крестьяне, лично скопив часть денег на покупку земли, будут более ответственно подходить к её использованию.

Однако на практике собрать даже такую сумму, не имея собственного надела, для значительной части недавних крепостных было совершенно непосильной задачей.

И на практике банк в первые годы своего существования работал преимущественно с крестьянскими объединениями – общинами и товариществами. Средства Крестьянский банк привлекал за счёт выпуска облигаций с доходностью 5,5%, которые реализовывались через Госбанк на фондовом рынке.

В том случае, если заёмщик не рассчитывался с банком вовремя, с него взыскивали пени в размере 0,5% от суммы задолженности в месяц. Пени не начисляли, если крестьянское хозяйство пострадало от стихийного бедствия. В этом случае заёмщик мог получить право отсрочить платеж на два года.

Новое финансовое учреждение достаточно быстро развивалось. В 1895 году в России было открыто уже 41 отделение Крестьянского банка. К этому моменту он выдал почти 15 тысяч ссуд в общей сложности на 82,4 млн руб. под залог 2,4 млн десятин земли. По состоянию на последнюю декаду XIX века на него приходилось 3,8% от выданных в стране ипотечных ссуд в денежном эквиваленте и 4,5% – в земельном. Через него совершалось порядка 12% всех ипотечных сделок.

Рис. 30. Министр финансов Сергей Витте

В 1895 году Сергей Витте, занимавший на тот момент должность министра финансов, наделил банк эксклюзивным правом скупать продаваемые помещиками участки, формируя свой земельный фонд, с тем чтобы потом распродать его крестьянам. Таким образом Министерство финансов боролось с деятельностью спекулянтов, которые стремились дешёво скупить дворянские поместья, чтобы потом создать земельный ажиотаж и заработать сверхприбыли.

К 1906 году при участии банка было реализовано около 9 млн десятин земли (что соответствует почти всей площади современной Португалии).

На его операции пришлось свыше 60% от совокупного прироста площадей крестьянского землевладения с 1883 года. В 1905 году через Крестьянский банк выдавалось уже почти 30% ипотечных кредитов в стране.

Однако положение крестьянства в России, несмотря на все старания Министерства финансов, оставалось тяжёлым. В конце XIX – начале XX веков более трети крестьян так и не смогли выплатить выкуп своим помещикам. По словам генерал-фельдмаршала Иосифа Гурко, в конце XIX столетия около 40% выходцев из крестьянских семей в армии впервые в жизни ели мясо. С 1860 по 1900 год количество населения страны резко возросло, в результате чего площадь крестьянского надела уменьшилась примерно в два раза. Всё это привело к волнениям 1905 – 1907 годов и, как следствие, к аграрным реформам.

Указ о замене подушной подати другими налогами

Рис. 31. Подушная подать

Конец XIX века ознаменовался рядом преобразований, ключевым среди которых стали поправки внесённые в законы о налоговых сборах. Отмена подушной подати в России при Императоре Александре III была значимым событием, которое подразумевало тщательную подготовку и рассмотрение различных аспектов социально-экономической жизни страны. Это решение было не только фискальным, но и социальным актом, направленным на улучшение положения крестьянства и смягчение социальной напряженности в стране.

Первым шагом в подготовке отмены подушной подати стало осознание необходимости реформ в крестьянском вопросе. В последние десятилетия XIX века социально-экономическое положение крестьян в Российской империи оставалось крайне тяжелым. Бремя податей и оброков, введенных еще в период крепостничества, существенно ограничивало развитие сельского хозяйства и вело к обострению социального недовольства среди крестьянства. Важную роль сыграло изучение опыта предшествующих реформ, особенно реформы 1861 года, касающейся отмены крепостного права. Анализ показал, что, несмотря на освобождение крестьян, многие из них оставались в экономически зависимом положении из-за сохранения податей и обязанностей перед государством и помещиками. Это указывало на необходимость дальнейших шагов в решении крестьянского вопроса. Правительственные комиссии и советники Александра III проводили анализ финансовой системы, определяя возможности снижения налогового бремени на крестьянство. В рамках подготовительных мероприятий изучались вопросы компенсации потерь государственного бюджета от отмены подушной подати, что предполагало поиск альтернативных источников доходов и оптимизацию расходов.

Также важной составляющей подготовки к отмене подати было взаимодействие с общественностью и просветительская деятельность среди крестьянства. Через печать, публичные выступления и собрания стремились объяснить населению предстоящие изменения и их положительные аспекты предстоящей реформы для крестьян. В итоге, подготовка к отмене подуш-

ной подати охватывала целый комплекс мер: от финансового анализа и планирования до работы по общественному согласию и информационной поддержке. Эти мероприятия позволили создать условия для проведения реформы, которая стала значительным шагом на пути модернизации России и улучшения жизни крестьянского населения.

Согласно закону «Об отмене подушной и преобразовании оброчной податей», принятому 14 июня 1885 года, с 1 января 1886 года было прекращено взимание подушной подати с бывших крепостных крестьян, а также жителей некоторых других категорий. Этот закон стал результатом многолетних недовольств и протестов со стороны крестьянства, а также признанием необходимости реформирования системы налогообложения для стимулирования экономического развития и снижения социальной напряженности в стране. Исторически подушная подать вносила значительный вклад в доходы государства, составляя в XVIII веке до 50% государственных доходов. Если говорить о том, кто отменил подушную подать, то следует упомянуть министра финансов Николая Бунге. Это решение стало одним из ключевых моментов его работы в должности министра, ознаменовав переход к более современной системе налогообложения. Однако к XIX веку доля подушной подати снижалась вследствие развития косвенного налогообложения. Прекращение сбора этого налога с мещан и цеховых было начато еще в 1866 году, за исключением Бессарабии и Сибири. Окончательное это произошло с 1 января 1887 года, хотя в Сибири она продолжала взиматься до 1897 года.

Учреждение Фабричной инспекции. Закон об ограничении ночной работы малолетних на промышленных предприятиях

Рис. 32. Сапожная мастерская

В обществе всегда существует место и повод для возникновения конфликтов. Хорошо, если конфликтные ситуации возникают от случая к случаю, а случаи эти происходят достаточно редко. Совсем другое дело, если возникновение конфликтов происходит постоянно. Такая ситуация может угрожать развитию страны, укреплению её мощи и, в крайнем случае, может поставить страну на грань её исчезновения. Признавая важность проблемы урегулирования, как правило, конфликтных отношений между нанимателями и наемными рабочими, необходимо подвергнуть анализу историю становления института, выполнявшего на рубеже XIX – XX вв. посредническую функцию между предпринимателями и рабочими, – института фабричной инспекции.

Фабричная инспекция – государственный орган, осуществляющий надзор за исполнением рабочего законодательства (в первую очередь, по охране труда и технической безопасности). Следует отметить, что институт фабричной инспекции – общеевропейское явление. Появившись впервые в Англии, фабричная инспекция в период с 1870-х по 1920-е гг. была учреждена в Дании, Франции, Швейцарии, Германии, России, Австро-Венгрии, Лихтенштейне, Бельгии, Голландии, Финляндии, Швеции, Норвегии, Португалии, Венгрии, Болгарии, Италии, Румынии, Испании, Боснии и Герцеговине, Сербии, Греции, Польше, Югославии, Чехословакии. Такой широкий территориальный охват свидетельствует о важности и

эффективности фабричной инспекции. Однако, становление, а значит, и основы, и назначение инспекции в России имело свою специфику.

Отечественное трудовое законодательство, начавшееся еще в 1835 г. с регулирования отношений найма, стало воплощаться в жизнь только с середины 1880-х гг., т.е. со времени оформления действующего и облеченного силой закона института фабричной инспекции. Причем организационные формы инспекционной деятельности имеют принципиальное историческое значение, так как именно структура института (механизма), способного контролировать исполнение норм и принуждать к исполнению законов, реально влияла на воплощение законодательства. «Фабричный инспектор – эта новая фигура на фабрике – должен был внести новые начала в отношения хозяев к рабочим».

По точному замечанию участкового фабричного инспектора В.П.Литвинова-Фалинского: *«учреждение инспекции в таком обширном государстве, как Россия, и с населением, рассеянным на огромной поверхности, представляло большие трудности»*. К таким трудностям, возникающим последовательно и постоянно в процессе развития фабричной инспекции, следует отнести сложности привлечения компетентных кадров, трудности построения правильных взаимоотношений с полицией и местной администрацией, а в центре и министерских взаимоотношений, сложности расширения надзора, связанные как с недостатком необходимой информации, так и с недостатком денежных средств.

В истории фабричной инспекции можно выделить следующие периоды становления института фабричной инспекции, когда изменялась структура, а за ней и отчетность, а, следовательно, и ответственность внутри института фабричной инспекции:

1882 – 1884 гг. этап, во время которого фабричные инспекторы знакомились с промышленностью своих регионов;

1884 – 1894 гг. этап экспериментальной (в границах нескольких губерний) проверки закона о правилах надзора за взаимоотношениями рабочих и фабрикантов;

1894 – 1899 гг. этап реорганизации фабричной инспекции, превращение ее в реальный развитый механизм участия государства в фабричной жизни;

1899 – 1903 гг. этап постепенного подчинения фабричной инспекции местной административной власти, завершившийся прямым подчинением инспекторов губернаторской власти;

1903 – 1905 гг. предреволюционный этап истории фабричной инспекции, уже подчиненной губернаторам, появление новой формы объединения фабричных инспекторов – съезда.

Развитие института фабричной инспекции как механизма урегулирования конфликтных взаимоотношений между рабочими и предпринимателями касалось, прежде всего: штата инспекторов, территории и объема прав надзора, а также вопросов подчиненности самой фабричной инспекции.

В 1882 г. было учреждено 5 должностей фабричных инспекторов, из которых один был главным (Е.Н.Андреев). На практике были созданы два округа фабричной инспекции – Московский и Владимирский, возглавляемые соответственно И.И.Янжулом и П.А.Песковым.

В 1884 г. состав фабричной инспекции расширился и включал одного главного фабричного инспектора (Я.Т.Михайловского), 9 фабричных инспекторов и 9 их помощников в 9 округах. В Московском округе остался на своем месте И.И.Янжул, а во Владимирском округе – П.А.Песков, в Санкт-Петербургском округе фабричным инспектором стал К.В.Давыдов, в Харьковском – В.В.Святловский, в Киевском – И.О.Новицкий, в Казанском – А.В.Шидловский, в Воронежском – С.И.Миропольский, в Виленском – Г.И.Городков и в Варшавском – К.А.Блюменфельд.

Однако, только в границах Московской, Владимирской и Петербургской губерний фабричные инспекторы вели надзор за исполнением правил взаимоотношений между рабочими и

предпринимателями. В 1891 г. к этим губерниям были добавлены Варшавская и Петраковская губернии.

Рабочим инспекциям пришлось бороться с предпринимателями за соблюдение ими прав детей и несовершеннолетних, труд которых был очень выгоден хозяевам производств.

Июньский закон 1882 г. устанавливал в России запрет на работу детей до 12 лет, для детей 12 – 15 лет ограничивал время работы 8 часами в день (при этом не более 4 часов без перерыва) и запрещал ночную (от 9 часов вечера до 5 часов утра) и воскресную работу, а также запрещал применение детского труда во вредных производствах.

Владельцы предприятий должны были «предоставлять возможность» детям, не имевшим свидетельства об окончании по меньшей мере одноклассного народного училища или приравняемого к нему учебного заведения, посещать школы не менее 3 часов в день или 18 часов неделю. Введение закона тут же вызвало противодействие со стороны промышленников. Тогда была введена оговорка о том, что его действие будет ограничено лишь фабриками. Затем отсрочили его ввод на год (до 1 мая 1884 г.), причем еще два года по разрешению министра финансов допускались «в случае надобности» работа детей 10-12 лет и ночная работа (не более 4 часов) детей 12 – 15 лет. В 1888 был принят закон «О воспрещении ночной работы несовершеннолетним и женщинам на фабриках, заводах, мануфактурах». По нему воспрещалась ночная работа подростков до 17 лет и женщин на хлопчатобумажных, полотняных и шерстяных фабриках. Закон вступил в силу с 1 октября 1885 г. Законы 1882 и 1885 гг. имели значение временных правил с последующей доработкой. Но в 1890 г. Законопроект, внесенный в 1890 г. уже ослаблял значение первоначальных законов. Малолетних рабочих отныне могли, «когда по роду производств это окажется необходимым», привлекать к работе 9 часов в две смены по 4,5 часа. В стеклянном производстве разрешалось даже ставить малолетних на 6 часов ночной работы. Законодательно определенное ночное время в определенных случаях было сокращено до промежутка с 10 часов вечера до 4 часов утра. Этот закон («Об изменении постановлений о работе малолетних, подростков и лиц женского пола на фабриках, заводах и мануфактурах и о распространении правил о работе и обучении малолетних на ремесленные заведения») был принят Государственным советом и Высочайше утверждён 24 апреля 1890 г. Однако, его распространили только на вредные работы в фарфоровом и спичечном производствах. В 1897 г. закон был распространён также на все текстильное производство. В России даже во второй половине XIX столетия от сельских жителей можно было услышать рассказы о том, как местные купцы помимо дров, сена, дичи поставляли в Петербург и живой товар. Они собирали малолетних детей у бедняков, обремененных большими семьями, и отвозили их в столицу, где детский труд был широко востребован. Торговля детьми, скупка и доставка в Петербург дешевой рабочей силы становилась специализацией отдельных крестьян-промышленников, которых в быту именовали «извозчиками» или «рядчиками». Мальчиков обычно просили разместить в магазины, а девочек — в модные мастерские. Родители снабжали ребенка одеждой и провизией на дорогу, паспорта же вручали промышленнику. С момента увоза судьба детей всецело зависела от случая и, прежде всего, от возницы-промышленника. «Извозчику» не платили за перевоз, он получал деньги с того человека, которому отдавал в обучение ребенка. За каждого ребенка, сданного в учение на 4 – 5 лет, «извозчик» получал от 5 до 10 рублей. При увеличении срока обучения цена возрастала. Она в 3 – 4 раза превышала сумму, отданную скупщиком родителям, и в значительной степени зависела от внешних данных, состояния здоровья и расторопности малолетнего работника. Лавочник или хозяин мастерской оформлял ребенку вид на жительство, обеспечивал его одеждой и питанием, получая взамен право всевластно им распоряжаться. Охрана детского труда законодательно распространялась лишь на крупное производство, где надзор за исполнением законов осуществляла фабричная инспекция. Ремесленные и торговые заведения оказывались вне этой сферы. Законодательно возраст вступления в ученичество не оговаривался. На практике обычно не соблюдалось и установлен-

ные «Уставом о промышленности» ограничения продолжительности рабочего дня учеников – с 6 утра до 6 вечера.

Рис. 33. Дети на работе

Вот что рассказал первый стеклодув завода Василий Арестович Мартыненко: *«Главная фигура на заводе – это стеклодув. Обмакнет он тяжеленную полуметровую металлическую трубку в ванне, наматает на нее ком расплавленного стекла и бежит к станку, выдувает бутылку и передаст ее отбивщику, а сам бежит в своих башимаках с деревянными подошвами, за новой порцией стекла. Жара невыносимая, но никаких вентиляторов, никаких механизмов очистки воздуха тогда не было. В таких же условиях находились и подсобные рабочие: повертывальщики, отбивальщики, смазыватели форм и относчики. Их работа еще более однообразная и нудная»*. Работали по 12 часов в смену. Бригада, состоящая из 8 человек, за смену могла в таких условиях выработать в среднем 1 200 бутылок и получала за каждую сотню принятой приемщиком посуды по 60 копеек. Деньги распределялись среди бригады. Стеклодув получал за смену 2 руб. 60 коп., а подсобные значительно меньше: повертальщик - 24 коп., относчик - 18 коп. На подсобных работах использовались дети, начиная с 8 – 9 лет. Поэтому хозяин с удовольствием брал на работу многодетные семьи, чтобы использовать дешевый детский труд. Из статистических данных явствует, что в 1882 году 67 процентов всех несчастных случаев на Богородско-глуховской (ныне г. Ногинск Московской области) мануфактуре происходили с детьми. Станки и машины в цехах были расставлены так тесно, что пробираться между ними можно было только боком, с опасностью для жизни. Экономя на всем, стремясь из всего выжать побольше прибыли, Морозов каждый клочок площади использовал с выгодой для себя. Движущиеся части машин – шестерни, ременные передачи, трансмиссии – не были ограждены точно так же из экономии, и на фабриках, из-за этого, каждый день происходили несчастные случаи. То рабочий во время чистки попадет рукой в машину, то он зацепится рваной рубахой за шестерню, то его затянет ремнем под вал трансмиссии. Больше всего страдали дети. Несчастные случаи с ними приключались наиболее часто; дети были менее осторожны, более подвижны, сильнее уставали на работе, нежели взрослые. Маленьких, худых ребятишек, из которых многим еще не миновало и восьми лет, заставляли таскать тяжелые тюки с хлопком,

корзины с пряжей, коробки со шпулями. Жалкие, оборванные, едва держащиеся от усталости на ногах, они обтирали ветошью машины, подметали полы, топили печи. Они были разносчиками, рассыльными, ткацкими учениками. Они при полном рабочем дне с трудом зарабатывали на хлеб. Расчет производился с ними по очень простому принципу: сколько каждый из них принесет корзинок или тюков, – а перепало на каждого не более десятка, – столько и получит копеек. Вот они составляющие «экономического» чуда «России, которую мы потеряли»: – полное отсутствие техники безопасности на производстве, рабочий день 12 – 14 часов, широкое использование детского низкооплачиваемого труда. Детей продолжали эксплуатировать вплоть до 1917 года, пока не был принят первый кодекс о труде, гарантировавший 8-часовой рабочий день и запрещение использовать детей на работах до 16-ти лет.

Временные о правила печати. Установление «карательной цензуры»

Рис. 34. Цензурный комитет

Александром II в 1865 году были введены временные правила осуществления цензурного надзора за периодической печатью и прочими публикациями. И хотя эти правила были достаточно жесткими, тем не менее правительство находило поводы к постоянному их ужесточению, так за временными правилами 1865 г. последовал длинный ряд законоположений, касавшихся цензуры, которые, за весьма немногими исключениями, были направлены к расширению объёма прав цензуры в ущерб правам печати:

В 1868 г. министру внутренних дел дано право запрещать на неопределённый срок розничную продажу периодических изданий.

В 1872 г. допущено уничтожение комитетом министров книг, изъятых от предварительной цензуры, без судебного преследования.

В 1873 г. министру внутренних дел предоставлено право запрещать периодическим изданиям касаться в течение некоторого времени (однако без определения срока, т. е. по сути бессрочно) каких-либо вопросов государственной важности, если их обсуждение было найдено неудобным, и подвергать за нарушение этого запрещения издательства приостановке их деятельности на срок до 3 месяцев.

В 1881 г. в местностях, объявленных на положении чрезвычайной охраны, генерал-губернаторам предоставлено право закрывать журналы на все время действия охраны (т. е. без определённого срока, а так как журнал, не выходявший в течение года, считался прекратившим своё существование, то, следовательно, навсегда) без объяснения мотивов.

В 1882 г. постановлено, что после временной приостановки выхода периодического издания, изъятых предварительной цензурой, оно могло быть подвергнуто обязательству представ-

лять свои номера в цензурные комитеты не позже 11 часов вечера накануне дня выхода в свет, для просмотра, причем цензоры могли останавливать их выход.

А теперь приведём примеры того, какие события было запрещено освещать в периодической печати:

В 1873 г. 16 июня был введён в действие закон (статьи 140 и 156 Устава о цензуре и печати), на основании которого министр внутренних дел получил право воспрещать временным изданиям печатать и обсуждать какой-нибудь вопрос государственной важности; в случае нарушения требования министра, издание может быть приостановлено на три месяца. Министерский проект имел в виду весьма широкое право на воспрещение оглашения в печати «какого-либо дела или вопроса», но Государственный Совет сузил испрашиваемые полномочия, ограничив их «каким-либо вопросом государственной важности». Предоставляя министру внутренних дел столь исключительные полномочия, Государственный Совет, как значилось в мотивах к его мнению, *«принял во внимание, что в существующих законоположениях о печати не предвидены случаи, когда, по высшим правительственным соображениям, представляется необходимым, чтобы периодическая печать в течение некоторого времени не касалась какого-либо вопроса внешней или внутренней политики, гласное обсуждение которого могло бы быть сопряжено со вредом для государства. Между тем опыт, и весьма еще недавнего времени, доказал, что подобные случаи встречаются, и за неимением закона, в силу коего обсуждение государственного вопроса могло бы быть возбранено, оказалось необходимым испрашивать каждый раз особые по этому предмету Высочайшие повеления. Ввиду очевидного неудобства облекать именем Его Императорского Величества распоряжения, не предписанные в законе, Государственный Совет признал нужным пополнить вышеозначенный пробел законодательства, определив в особом постановлении порядок извещения редакторов периодических изданий о неоглашении того или другого вопроса государственной важности. Изданием этого постановления, создающего законную основу для распоряжений, неизбежно вызываемых иногда высшими интересами государства, несколько не стесняются те пределы, в которых донныне предоставлялось печати обсуждать политические и общественные вопросы. Новое постановление, по своему разуму и цели его, может иметь применение лишь в обстоятельствах чрезвычайно редких. Нет сомнения, что органы печати, правильно понимающие призвание свое служить пользам отечества и сами собой, без всякого понуждения, подчинялись бы в сих обстоятельствах приглашению правительства. По сему особое о сем правило и взыскание за неисполнение оно может относиться лишь к тем, совершенно исключительным, однако, как показывает опыт, возможным случаям, когда одно чувство долга и нравственной ответственности не удержит от опасной по своим последствиям нескромности»*.

Сумел ли министр внутренних дел отнестись к предоставленным ему полномочиям с осторожностью, на необходимость которой было указано Государственным Советом? Постараемся ответить на поставленный вопрос некоторыми данными из истории применения статьи 140 Устава о цензуре и печати. В 1873 г. было воспрещено бесцензурным изданиям касаться поездки графа П.А.Шувалова в Лондон; 28 декабря того же года было воспрещено сгруппировать под общей рубрикой известия о неурожае и с ним связанных явлениях. Это воспрещение было подтверждено 9 января следующего года. 30 апреля 1874 г. состоялось запрещение перепечатывать из официального указателя заглавия книг, недозволенных иностранной цензурой; 15 июня того же года воспрещено касаться греко-униатских дел в Холмской Епархии; 21 октября воспрещено печатание статьи против Академии Художеств, в связи с отказом художника Верещагина от звания профессора; 25 октября воспрещено что-либо печатать о деятельности профессора И.Ф.Циона и о волнениях в Медико-Хирургической Академии. В 1875 г. состоялись воспрещения по следующим случаям: 31 января по поводу самоубийства Порфирия Ламанского; 5 апреля по делу Майкова и Крестовской и о столкновении поручика Кре-

стовского с присяжным поверенным Соколовским; 15 июля о самоубийстве действительного статского советника Лампе; 22 октября о слухах по поводу заминки в делах Торгового Дома Терещенко; 18 ноября о беспорядках в Технологическом Институте и уволенных студентах Варинском и Кауфмане; 28 декабря о смерти Петра III, описанной в разрешенной к напечатанию в XXV томе «Истории России» Соловьева. В 1876 г. запрещено было упоминать в печати: 20 февраля – об упразднении лифляндского, эстляндского и курляндского генерал-губернаторств; 21 апреля – о судебном разбирательстве по делу поручика Крестовского; 8 июня – о судебном ведомстве в привислинском крае в связи со статьей в 67 «С.-Петербургских Ведомостей»; 7, 8 и 11 октября и 6 ноября – о каких-либо всеподданнейших адресах и коллективных заявлениях. В 1877 г. к числу вопросов государственной важности были отнесены: 25 января – коллективное заявление профессоров Казанского университета против профессора Московского университета Любимова и 16 февраля – полемика по делу профессора Любимова. В 1881 г. в ту же категорию вопросов были отнесены: 3 апреля – сообщение о самоубийстве члена Государственного Совета Л.Макова; 21 апреля – известие о выходе в отставку графа Лорис-Меликова, Д.Милютина и А.Абазы. С 1882 по 1889 г. распоряжения по делам печати были направлены к тому, чтобы замолчать и принизить великие реформы Александра II – крестьянскую, земскую, судебную, городскую и др. В 1889 г. было воспрещено печатать: 27 апреля – статьи о городских выборах; 8 сентября – о тарифном вопросе; 23 сентября – о злоупотреблениях в Кредитном Обществе. В 1890 г. 26 января – статьи о растрате земских сумм в Калужской губернии; 11 февраля – о сыне английского посланника Мориера; 8 марта – о гимназиях и учебной системе в них; 11 марта – о студенческих волнениях в Петровско-Разумовском институте и Московском университете; 28 марта – о «Крейцеровой Сонате» графа Л.Толстого; 7 мая – о дирекции Императорских театров; 18 мая – о предстоящем 25-летию закона о печати; 8 ноября – о протесте против «какого-то мнимого угнетения евреев»; 9 ноября – о хлебных тарифах. В 1891 г. 19 апреля – о продаже капсюлей Матико и К^о; 18 июня – о таможенном тарифе; 27 июня – о заболеваниях холерой; 1 августа – воззвание о пожертвованиях в пользу переселенческого фонда евреев; 12 ноября – воззвание о сборах в пользу голодающих. В 1892 г. 30 января – о разногласиях между министром путей сообщения Гюббенетом и железнодорожным инспектором, полковником Вендрихом; 23 марта – о болезни председателя Кабинета министров Н.Х. Бунге; 13 июня – о появлении холеры; 1 сентября – о самоубийстве офицера, князя Крапоткина; 23 сентября – о случае с помощницей надзирательницы лазарета Павловского Института; 24 сентября – об убийстве сотника Иловайского сотником Жеребковым; 25 сентября – о драке между генералами Розенкампом и Свистуновым; 23 ноября – о пересмотре гимназического курса; 29 ноября – о распоряжениях Воспитательного Дома и о беспорядках в зубоврачебной школе Важинского. В 1893 г. 13 января – о беспорядках на Рождественских акушерских курсах; 4 февраля – о публичной лекции художника В.В.Верещагина; 1 марта – о гимназисте Литвинове; 16 марта – о покушении на убийство московского городского головы Алексеева; 19 марта – об отравлении лаборанта С.-Петербургского университета Хамонтова; 4 мая – о самоубийстве врача Кондратьева; 13 сентября – о дуэли двух офицеров с князем Накашидзе; 23 сентября – о положении дел страхового общества «Россиянин»; 10 ноября – о деле по оскорблению полицейского пристава Брикингофа; 7 декабря – о деле казанского полицеймейстера Панфилова; 28 декабря о скоропостижной смерти лейтенанта Шведе и покушении на самоубийство поручика Геркуна. В 1894 г. было воспрещено сообщать: 20 января – о несчастии в семействе доктора Вельяминова; 26 марта – о 750-летнем юбилее г. Москвы; 19 мая – об убийстве генеральши Болдыревой; 14 октября – о крестьянине-толстовце Евдокиме Дрожжине, умершем в воронежской городской тюрьме, и т.д.

Несмотря на длинный до утомительности ряд фактов, мы все же привели небольшую часть случаев, в связи с которыми бесцензурная печать получала предупреждения не писать о том-то, не касаться того-то. Как видно, министры широко пользовались статьей 140 Устава о

цензуре и печати и в вопросы «государственной важности» обращали дуэль офицеров, самоубийство дочери врача, должностные преступления станового пристава, несостоятельность торгового дома и т.д. и т.п. Все, что могло выставить в настоящем свете безнаказанный произвол даже низших агентов правительства, или пригвоздить отдельных покровительствуемых лиц к позорному столбу нравственной ответственности перед общественным мнением, или, наконец, раскрыть ту или другую язву бюрократического механизма, все это становилось запрещенной областью русского табу. Законодательство о печати неразрывно переплетается с общей политической жизнью страны. В самом деле, как известно, за платоническим увлечением «шестидесятников» Фурье, Сен-Симоном, Луи-Бланом и другими представителями разных оттенков социализма, «семидесятники» выдвинули народничество, от которого на первых же порах откололась боевая фракция, поставившая себе задачу непосредственной борьбы с правительством. Недоделанность «великих реформ» и даже чувствительное возрастание реакции послужили питательной средой для этого нового течения русской политической идеологии. Осенью 1869 г. в замерзшем пруде при Петровской земледельческой академии был найден труп убитого студента Иванова. Это послужило поводом к возникновению обширного уголовно-политического процесса, известного под именем «Нечаевского». Следствием была выяснена наличность в России разветвленного революционного общества. Известный князь Мещерский вместе с другими обскурантами забил тревогу. Началась беспощадная реакция, но революционная агитация не только не отступила перед исключительными мероприятиями правительства, а наоборот, взятая в руки заграничных руководителей и петербургского кружка «Чайковцев», развила еще более энергичную устную и печатную пропаганду. Репрессии, казалось, только воодушевляли революционеров и вербовали для них разного рода пособников. Возникло знаменитое дело Долгушина, Дмоховского и др., за ним процесс московских пропагандистов, или так называемый процесс 50-ти. Затем последовало дело о демонстрации 6 декабря 1876 г. на Казанской площади; в конце 1876 г. и в начале 1877 г. много шуму наделало дело «О преступной пропаганде в Империи», или процесс 193-х. Этот последний процесс, с одной стороны, раскрыл перед обществом вопиющий произвол административного сыска, с другой – показал правительству, что независимый суд не может быть орудием политики. В 1878 г. 24 января раздался выстрел Веры Засулич, направленный в петербургского градоначальника генерала Трепова, по распоряжению которого был подвергнут телесному наказанию политический заключенный Боголюбов. Провинциальная девушка с испуганной совестью, не зная даже того, за кого она мстила, была оправдана судом. Оправдание было встречено сочувственно в самых широких кругах общества. В самый день оправдания, 31 марта 1878 г., у здания судебных установлений была произведена сочувственная демонстрация, которая стоила жизни студенту Сидорацкому. Ровно через шесть недель после этого последовала ломка судебных уставов: преступления против порядка управления и должностных лиц были изъяты из компетенции суда присяжных. Однако программа революционеров становилась все более и более «действенной»: на белый террор они отвечали кровавым. Так, 26 мая 1878 г. в Киеве был убит жандармский офицер барон Гейкинг; 4 августа 1878 г. убит шеф жандармов генерал-адъютант Мезенцев; 9 февраля 1879 г. – харьковский губернатор князь Крапоткин; 14 марта того же года было совершено покушение на убийство шефа жандармов генерал-адъютанта Дрентельна; 2 апреля и 19 ноября 1879 г. и 5 февраля 1880 г. произошли покушения на цареубийство; 20 февраля 1880 г. совершено покушение на жизнь графа Лорис-Меликова. Печальное событие 1 марта 1881 г. замкнуло цепь указанных нами и других не упомянутых террористических актов. Все это внесло в правящие сферы неверную мысль о связи террористической деятельности с «излишествами» реформ Царя-освободителя. Обезумевшая от страха реакционная клика вопила о петле и эшафоте. Добровольный сыск органов прессы известного направления ставил в первую очередь мероприятий против крамолы обуздание либеральной прессы. Однако с назначением в начале сентября 1880 г. графа Лорис-Меликова на пост министра внутренних

дел от прессы как бы начала отодвигаться угрожавшая ей опасность. Уже в последних числах октября того же года для выработки законоположений о печати была учреждена, под председательством графа П.А.Валуева, бывшего министра внутренних дел, комиссия, в которую вошли наиболее влиятельные государственные люди: князь С.Н.Урусов, граф А.Т.Лорис-Меликов, М.С.Каханов, К.П.Победоносцев, Е.В.Фриш и др. В заседание комиссии были приглашены редакторы десяти столичных газет и журналов. Представители печати единодушно высказались за подчинение ее исключительно суду и закону. Событие 1 марта 1881 г. помешало дальнейшему ходу работ этой комиссии. Ставши в 1882 г. во главе министерства внутренних дел, граф Д.А.Толстой, руководясь «исключительными обстоятельствами того времени», не замедлил внести в Комитет министров проект временных правил о печати, повлекших за собой еще новые стеснения. «Впредь до изменения в законодательном порядке действующих узаконений» 27 августа 1882 г. Высочайше утвержденным положением Комитета министров были введены временные правила, составляющие статью 136 и примечания к статьям 144 и 148 Устава о цензуре и печати (издания 1890 г.).

В силу этих правил редактору повременного издания, во-первых, может быть совсем запрещено продолжать издание, если оно вызвало третье предостережение; после же шестимесячной приостановки возобновляемое издание обязано представлять корректурные листы в цензуру не позже 11 часов вечера накануне дня выпуска в свет. Срок подобной «корректурной» цензуры зависит от усмотрения министра внутренних дел. Во-вторых, редакции повременных изданий, выходящих без предварительной цензуры, обязываются, по требованию министра внутренних дел, сообщать звания, имена и фамилии авторов помещенных статей. В-третьих, вопросы о совершенном прекращении подцензурных и бесцензурных изданий или о бессрочной приостановке их, с воспрещением редакторам и издателям быть впоследствии редакторами и издателями, предоставляются разрешению министров внутренних дел, народного просвещения, юстиции и обер-прокурора Святейшего Синода при участии, сверх того, и тех министров или главноуправляющих, которыми возбуждаются вопросы.

Русский бело-синий-красный флаг

Рис. 35. Два государственных триколора

28 апреля (10 мая) 1883 года указом императора Александра III бело-сине-красный триколор получил официальный статус государственного флага России. До этого дня он тоже использовался, но наряду с так называемым Гербовым народным флагом, представлявшим собой черно-желто-белый триколор.

Если заглянуть в глубь истории, то можно проследить как появился государственный флаг.

Читая исторические романы можно встретить упоминания о стягах, хоругвях, знаменах и флагах

Со времен глубокой древности для обозначения различных воинских подразделений и присутствия на поле боя военачальников в армиях использовались специальные символы. Это были копыя или длинные шесты с привязанными к ним конскими хвостами, пучками трав, ветвями и полосками материи. Римляне подошли к вопросу более основательно и для символического обозначения легионов стали применять так называемые аквилы, представлявшие собой шест со скульптурным изображением орла.

В дохристианской Руси шест с пучком конских волос, фигуркой животного или полосой ткани именовался стягом. Он был хорошо заметен издали, обозначая для воинов место сбора, а также нес символическое значение. С принятием христианства стяг принял вид клиновидной, как правило, полосы материи с изображением Животворящего креста на ней. И в языческие, и в христианские времена цвет стяга на Руси был преимущественно красным.

Во времена позднего Средневековья русские ходили в походы с хоругвями или знаменами, представлявшими собой древко с прикрепленным к его верхней части полотнищем. Так как на этих полотнищах изображали лики Христа, Богоматери, а позднее Георгия Победоносца и некоторых других святых, отношение к ним было весьма трепетным. Образы на полотнищах уже сами по себе представлялись воинам-христианам благоприятными знаменами, обещающими победу над врагом. Отсюда и слово «знамя» – производное от слова «знамение».

Что же касается слова «флаг», то оно пришло в русский язык из голландского вместе со множеством морских терминов. Связано это было с организацией отечественного военного кораблестроения при царе Алексее Михайловиче и, главным образом, с созданием регулярного военного и торгового флотов в годы правления Петра I. Отец первого нашего императора определил и цвета флага – белый, синий и красный. На трехцветном полотнище изображался еще, как символ Российского государства, двуглавый орел.

При Петре I впервые появился императорский штандарт, представлявший собой желтое полотнище с изображением черного двуглавого орла. В 1742 году при коронации Елизаветы Петровны так выглядело и государственное знамя Российской империи, с тем лишь отличием,

что по краям полотнища были размещены овалы с гербами всех земель, входивших на тот момент в состав государства.

Рис. 36. Государственное знамя для коронации Елизаветы Петровны

Во второй половине XVIII века черный, желтый и белый цвета часто использовались в качестве гербовых цветов империи. На этом основании появилось и новое знамя, представлявшее собой соответствующий триколор. Оно не заменило бело-сине-красный флаг, однако широко применялось наряду с ним. Такой черно-желто-белый штандарт получил наименование Гербового народного флага. В 1873 году его стали называть русским национальным флагом.

Два практически равнозначных триколора не способствовали порядку в деле использования государственной символики. Исходя из таких соображений, император Александр III решил внести в вопрос окончательную ясность. 28 апреля (10 мая) 1883 года, накануне своей

торжественной коронации, он издал высочайшее повеление «О флагах для украшения зданий в торжественных случаях».

Рис. 37. Император Александр III

Текст повеления однозначно указывал, что «в тех торжественных случаях, когда признается возможным дозволить украшение зданий флагами, был употребляем исключительно русский флаг, состоящий из трех полос: верхней – белого, средней – синего и нижней – красного цветов».

Таким образом, день 10 мая 1883 года стал считаться официальной датой присвоения бело-сине-красному триколору статуса государственного флага России. Черно-желто-белый триколор повелением императора упразднен не был. Его и в дальнейшем продолжали исполь-

зовать в особо торжественных случаях, но только лишь в статусе национального русского флага.

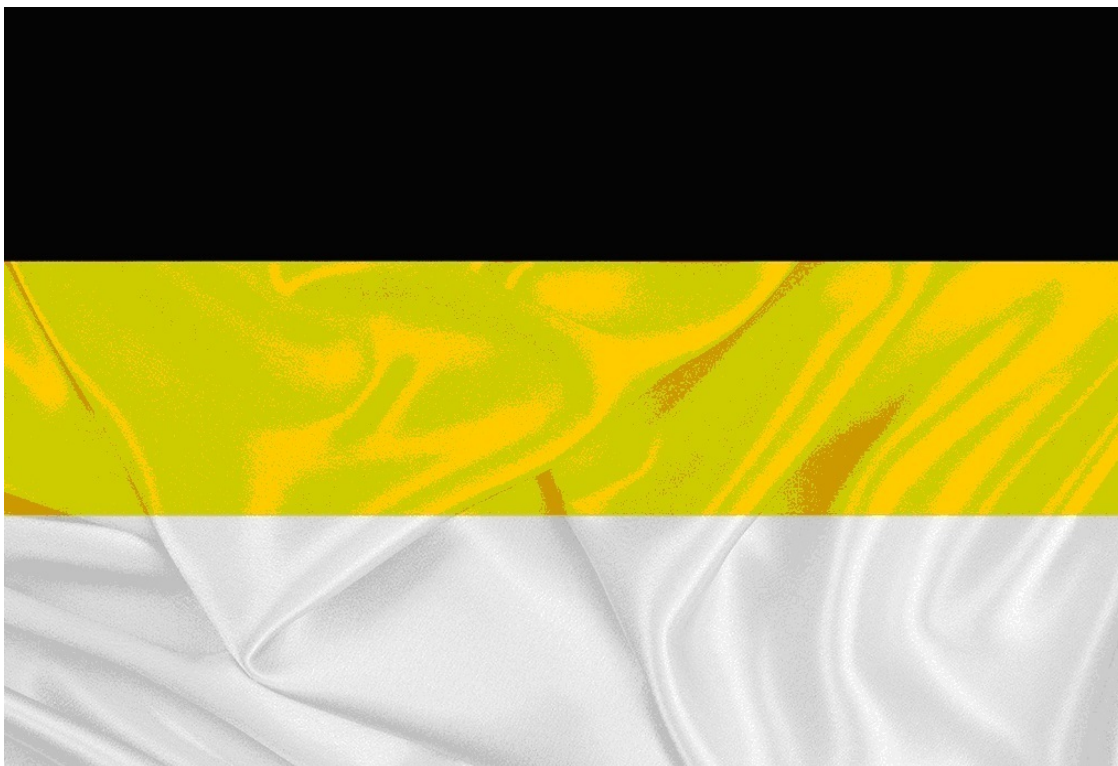

Рис. 38. Гербовый народный флаг

Совершенно не корректны утверждения, что до 1883 года бело-сине-красный триколор был флагом только лишь русского торгового флота. Действительно, российские коммерческие суда ходили под ним с петровских времен до образования СССР, но согласно международной флажной традиции национальный или государственный флаг, как правило, является и флагом гражданского флота. При этом боевые корабли ходят под особым военно-морским флагом, как бы предупреждая, что они вооружены.

Уважение к флагу страны – неотъемлемая часть патриотизма. Хотелось бы, чтобы об этом не забывали увлекающиеся критикой сограждане. Тем более что сегодня под бело-сине-красным флагом отдают за Россию жизни наши солдаты и офицеры

Коронация Александра III

Рис. 39. Коронация Александра III

15 (27) мая 1883 года, состоялся «церемониал Священного Коронования их Императорских Величеств Государя императора Александра Александровича Самодержца Всероссийского и Государыни императрицы Марии Федоровны». Торжественный обряд проходил по традиции в Успенском соборе Московского Кремля в присутствии двенадцати иерархов Русской церкви.

Императорская семья прибыла в Москву рано утром 8 мая и остановилась в старом Петровском дворце, построенном в конце XVIII века по распоряжению Екатерины II архитектором Матвеем Казаковым.

Впечатлениями от пережитого накануне и во время исторической церемонии Мария Федоровна делилась позднее с матерью, датской королевой Луизой: *«Вечером мы всей семьей были в церкви в течение продолжительного времени. Перед исповедью священник долго читал прекрасные молитвы. После посещения церкви я, слава Богу, почувствовала себя намного спокойнее... Затем, чтобы исповедовать меня, пришел Янышев. После этого мы отправились спать. Я, к счастью, смогла заснуть, но бедный Саша всю ночь не сомкнул глаз, а в 7 часов, разбуженные пушечными выстрелами, возвестившими о начале торжеств, мы поднялись. В 9 часов утра с бьющимися сердцами и слезами на глазах покинули наши покои. Не могу тебе описать, что творилось в моем сердце! Я чувствовала себя жертвой перед закланием. Серебряное коронационное платье с длинным шлейфом, на голове – ничего и только на шее – маленькое жемчужное ожерелье, чтобы не казаться обнаженной».*

Среди приехавших на коронацию высоких гостей присутствовали герцог и герцогиня Эдинбургские, князь Николай Черногорский, принц Фридрих-Вильгельм (будущий император Фридрих III), правитель Болгарии Александр Баттенбергский и многие другие особы.

Великий князь Александр Михайлович впоследствии вспоминал: *«Ровно в 10 часов утра царь вышел из внутренних покоев, сел верхом на коня и подал знак к отбытию. Он ехал один, впереди нас всех, эскадрон кавалергардов ехал впереди кортежа и возвещал его приближение народу и войскам, которые стояли шпалерами вдоль всего пути следования. Длинный поезд золотых карет следовал за нашей кавалькадой. В первом экипаже сидела императрица Мария*

Федоровна с восьмилетней великой княжной Ксенией и королевой греческой Ольгой. Остальные великие княгини, принцессы королевской крови и заслуженные статс-дамы разместились в остальных каретах кортежа.

Громкое «ура» сопровождало нас по всему пути следования до Иверской часовни, где император сошел с коня и в сопровождении императрицы вошел в часовню, чтобы поклониться иконе Иверской Божьей матери».

За обеспечение безопасности по пути следования государя и его близких от Петровского дворца до Кремля отвечал министр внутренних дел Дмитрий Толстой. 16 мая 1883-го Петр Ильич Чайковский в письме баронессе фон Мекк рассказывал: *«Так приятно было читать в газетах известия о благополучном, блестящем въезде царя в Москву. Несмотря на принятые меры, я все же иногда побаивался, что найдутся безумцы, которые не затруднятся посягнуть на жизнь его. Ведь так легко из окна дать выстрел, и можно ли было поручиться, что в эту громадную толпу зрителей не вмешается хитростью злоумышленник. Но, слава Богу, все окончилось благополучно».*

В Иверской часовне император и императрица помолились на коленях пред образом Пречистой Владычицы, затем торжественно вошли на Красное крыльцо. События знаменательного дня находившийся в свите флигель-адъютант императора граф Сергей Шереметев описал так:

«Вот начинается шествие. По два в ряд двинулись из Грановитой палаты... Долго шли камер-фурьеры, камер-юнкера, камергеры и проч[ие] чины... Гудит Иван Великий, и вся Кремлевская площадь, переполненная народом, замирает в ожидании Царя. Все взоры устремлены на Красное крыльцо. Теснее выступают сановники, вот и Государственное знамя.

Яркий луч солнца ударил на Красное крыльцо, облака быстро разошлись... В это мгновение в дверях Грановитой палаты показался Государь. Он весь освещен был солнцем... Что-то было невыразимое, когда при звоне всех колоколов раздались крики народа и все слилось в одно протяжное, непрерывающееся восторженное «Ура!».

Огромный помост от Красного крыльца до Успенского собора, расположенные амфитеатром трибуны вместили тысячи гостей. Представители простого народа заняли все свободное пространство в Кремле и за его стенами.

«В тот момент, когда мы вышли на Красное крыльцо, – рассказывала Мария Федоровна своей матери, – ярко светило солнце, и мы торжественно прошли под балдахином до самого Собора». Тот балдахин из золотой парчи, украшенный перьями, несли 16 генералов и 16 генерал-адъютантов. В дверях Успенского собора царскую чету встретил митрополит Иоанникий, произнесший приветственную речь.

«Государь вступил в Собор, колокола замолкли, служба началась, – писал граф Шереметев. – На площади стало тихо. Снова показались облака, закапал дождь, поднялись зонтики, и вся площадь приняла совершенно иной вид».

А вот как запечатлела эти минуты супруга императора: *«Мы вошли в древний Успенский собор, до отказа наполненный народом, и остановились в центре на возвышении перед двумя престолами... Церемония началась с того, что Саша должен был прочитать вслух «Символ веры». После этого – церемония возложения порфиры и бриллиантовой цепи ордена Андрея Первозванного, затем читалось Евангелие, а потом Саше была преподнесена корона. Он торжественно возложил ее на голову. Корона очень ему шла. Саше подали Скипетр и Державу, он взял их и держал в обеих руках. Вальдемар (брат Марии Федоровны) положил у его ног большую бархатную подушку, на которую я должна была опуститься на колени. Когда я преклонила колени, Саша торжественно надел мне на голову Малую корону. Статс-дамы стали закреплять ее у меня на голове, но булавки все время попадали мне прямо в голову, что было очень неприятно.*

В следующий момент Саша торжественно надел на меня порфиру, украшенную лентой, на которой красовался орден Андрея Первозванного. Статс-дамы снова прочно закрепили все на моей одежде».

Гром орудий и перезвон колоколов возвестили о возложении венца. Как писала Мария Федоровна, *«очень волнующим был момент, когда Саша, преклонив колени, читал вслух прекрасную молитву («Господи Боже отцев и царю царствующих»).* Его голос звучал спокойно и величественно, и в соборе было отчетливо слышно каждое произнесенное им слово. Все замерли и внимательно слушали... Все присутствовавшие были очень растроганы, многие плакали. Все было очень-очень торжественно и проникновенно волнующе».

Митрополит Исидор приветствовал государя словами: *«Твоею благодатью непоколебим Всероссийский Престол, Твоею милостью крепка Россия: Слава Тебе Богу, Благодетелю нашему во веки веков».* Церковный хор начал петь *«Тебе Бога хвалим».*

Затем перед царскими вратами начался чин миропомазания. *«После этого, – писала Мария Федоровна матери, – состоялось Причащение Святых Христовых Таинств. Саша вместе со священником вошел в алтарь (это единственный раз, когда император имел право это сделать). Затем причастилась я. После окончания этого торжественного акта мы снова возвратились на свои места пред престолом и оставались там до окончания службы».*

Когда литургия окончилась, митрополит поднес императорской чете крест для целования. Многоактная духовная церемония завершилась поздравлениями в адрес царской четы и троекратным поклоном всех присутствовавших. *«И вот загудел «Иван Великий», и дрогнула вся площадь, – вспоминал граф Шереметев. – Все сорок сороков слились в один удивительный дивный звон. Из западных дверей царской усыпальницы вышел Государь в порфире, со Скипетром и с Державой; на голове его блистала бриллиантовая Корона. За ним шла Государыня. Малая бриллиантовая корона хорошо была надета с наклоном вперед. Государь был бледен».*

«Мы вышли из собора и во главе торжественной процессии, увенчанные коронами, прошли под балдахином, обогнув колокольню Ивана Великого под громкие крики «Ура», – сообщала матери Мария Федоровна. – Затем мы молились в двух других соборах (Архангельском и Благовещенском)... Шествие подвигалось медленно, подымаясь по Красному крыльцу. Все слилось и смешалось в пестроту нарядов и цветов, в глазах словно потемнело. Все взоры напряженно направлены в одно место – на площадку Красного крыльца. Среди пестрой смешанной толпы ярко заблестела корона. Государь остановился лицом к народу. Еще мгновение, и корона наклонилась три раза. То были три царских поклона в ответ на оглушительные крики восторга и торжества. Государь вступил в Грановитую палату, и, словно по магию жезла, все разом утихло. Приветствия народа, находившегося у Красного крыльца, было прекрасным и захватывающим зрелищем...»

После завершения церемонии мы направились в дворцовые покои. Настоящее чувство блаженства испытали мы, когда все закончилось и мы вернулись в свои покои. Для меня это было то же чувство, что сразу после рождения ребенка – это единственное, с чем его можно сравнить...

Через час мы должны были, однако, в коронах и мантиях явиться в Грановитую палату к парадному обеду, где я и Саша заняли троны и приступили к трапезе. Нас обслуживали первые придворные лица. Вальдемару было разрешено быть помощником и стоять сзади меня».

На торжественном обеде по случаю великого события присутствовали 159 человек: первые лица государства, высшие сановники, генерал-адъютанты и все высшее духовенство. Прозвучал торжественный орудийный салют. За здоровье императора был произведен 61 выстрел, государыни императрицы – 51, наследника-цесаревича и всего Императорского дома – 31, духовных лиц и всех верноподданных – 21.

Когда стемнело, центр Первопрестольной засверкал иллюминацией. Стены и башни Кремля, колокольня Ивана Великого освещались тысячами электрических лампочек.

«В течение трех последующих дней, – писала Мария Федоровна королеве Луизе, – мы каждый день по четыре часа принимали поздравления различных делегаций и должностных лиц. Это было страшно утомительно, мои ноги так распухли и стали такими толстыми, что я почти не могла ходить, так что пришлось делать компрессы».

21 мая 1883 года Александр III во дворе Петровского дворца в Москве встретился с волостными старшинами. На встрече присутствовало 700 крестьянских представителей от всей России. Обращаясь к ним, император произнес: *«Я очень рад еще раз видеть вас; душевно благодарю за ваше сердечное участие в торжествах наших, к которым так горячо отнеслась вся Россия. Когда вы разъедетесь по домам, передайте всем мое сердечное спасибо, следуйте советам и руководству ваших предводителей дворянства и не верьте вздорным и нелепым слухам и толкам о переделах земли, дарованных прирезках и тому подобному. Слухи эти распускаются нашими врагами. Всякая собственность, точно так же как и ваша, должна быть неприкосновенна. Дай Бог вам счастья и здоровья».*

Илья Репин запечатлел эту встречу на одном из своих знаменитых полотен. На огромной позолоченной раме с изображением гербов были выгравированы слова российского императора: *«Всякая собственность должна быть неприкосновенной».*

Коронационные празднества ознаменовались не только пышными церемониями в Кремле, но и состоявшимся 26 мая 1883 года торжественным освящением храма Христа Спасителя, когда православная Москва отмечала праздник Вознесения Господня. А день спустя император и императрица посетили вновь открывшийся Исторический музей.

Освящение храма Христа Спасителя в Москве

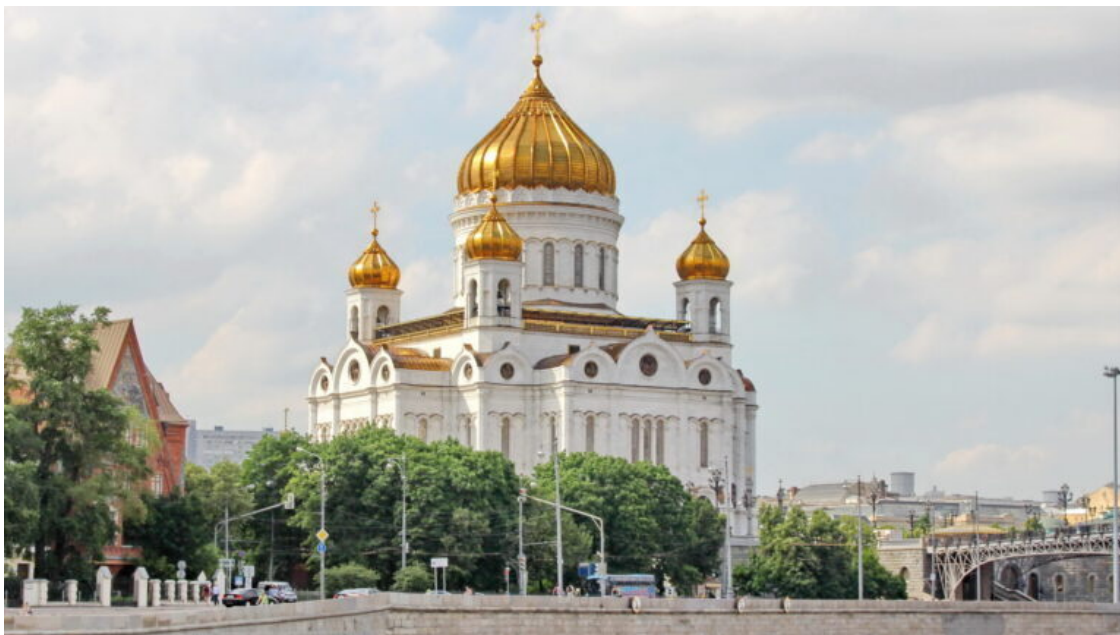

Рис. 40. Храм Христа спасителя в Москве

Рис. 41. Открытка начала XX века. Ул. Волхонка

26 мая (7 июня) 1883 года, состоялось торжественное освящение Храма Христа Спасителя.

Кафедральный собор Московской епархии и всей Русской Православной Церкви – Храм Христа Спасителя в Москве был построен как храм-памятник, посвященный Отечественной войне 1812 года.

Идея возведения храма в честь победы России над армией Наполеона принадлежала генералу армии Михаилу Кикину и была передана российскому императору Александру I.

В конце 1812 года Александр I издал манифест о создании храма в ознаменование «благодарности к Промыслу Божию, спасшему Россию от грозившей ей гибели».

12 (24) октября 1817 года на Воробьевых горах состоялась торжественная закладка Храма Христа Спасителя, но проект не был осуществлен, так как возникли проблемы, связанные с непрочностью почвы, имеющей подземные ручьи. После смерти Александра I в 1825 году новый император Николай I приказал приостановить все работы, в 1826 году строительство было прекращено.

10 (22) апреля 1832 года Император Николай I утвердил новый проект Храма, составленный архитектором Константином Тоном. Император лично избрал место для сооружения Храма Христа Спасителя – на берегу реки Москвы, неподалеку от Кремля, и в 1837 году учредил особую Комиссию по построению нового Храма. Алексеевский женский монастырь и цер-

ковь Всех святых, находившиеся на месте, где предполагалось построить Храм Христа Спасителя, были разобраны, монастырь переведен в Красное село (ныне Сокольники).

10 (22) сентября 1839 года состоялась торжественная закладка нового храма.

В плане храм имел форму равноконечного креста. Основой его стиля был выбран византийский. Высота храма от основания до креста составляла 103,5 метра (высота креста – 8,5 метров). Стены, толщина которых достигала 3,2 метра, были выложены из кирпича и частично белого камня. Облицовка была выполнена из итальянского мрамора разных сортов. Четыре мощных столба пилона поддерживали центральный барабан. На уровне цокольного этажа здание опоясывал коридор – первый музей войны 1812 года, где на беломраморных досках были увековечены все сражения, отличившиеся части и их командиры, имена погибших и награжденных офицеров. На фасадах были размещены горельефы работы скульпторов Александра Логановского, Николая Рамазанова, Петра Клодта.

Интерьер храма освещали 60 окон. Над живописным оформлением храма в течение 23 лет трудилась большая группа художников, среди которых были известные живописцы Генрих Семирадский, Василий Суриков, Константин Маковский и др.

Храм строился почти 44 года. В 1841 году стены были выровнены с поверхностью цоколя; в 1846 году сведен свод большого купола; три года спустя завершены работы по внешней облицовке и начата установка металлических крыш и глав. Свод большого купола закончен в 1849 году. В 1862 году на крыше установили бронзовую балюстраду, отсутствовавшую в первоначальном проекте. К 1881 году были закончены работы по устройству набережной и площади перед храмом, а также установлены наружные фонари.

25 (13) декабря 1880 года новому храму было присвоено наименование Кафедрального собора во имя Христа Спасителя, утвержден штат духовенства и причта.

26 мая (7 июня) 1883 года, в праздник Вознесения Господня, состоялось торжественное освящение храма, совпавшее с днем коронования императора Александра III. 24 (12) июня того же года совершилось освящение придела во имя святителя Николая Чудотворца, а 8 (20) июля был освящен и второй придел во имя святого князя Александра Невского. С этого времени в храме начались регулярные богослужения. С 1901 года в храме был учрежден собственный хор, считавшийся одним из лучших в Москве.

Весной 1912 года в сквере возле храма был установлен памятник императору Александру III, который был разрушен в 1918 году.

Рис. 42. Снос памятника Александру III

В храме торжественно отмечались коронации, всенародные праздники и юбилеи: 500летие со дня смерти преподобного Сергия Радонежского, 100летие Отечественной войны 1812 года, 300летие Дома Романовых.

В августе 1917 года в Храме Христа Спасителя состоялось открытие Поместного собора, на котором после 200летнего перерыва был избран патриарх Тихон, ныне причисленный Русской православной церковью к лику святых.

В феврале 1918 года для предотвращения закрытия храма было создано Братство Храма Христа Спасителя, фактически содержавшее храм. В 1922 – 1923 годах храм был захвачен обновленцами, а в 1931 году закрыт.

По решению советского правительства 5 декабря 1931 года храм был взорван. Сохранилась часть наружных белокаменных барельефов, позже вмонтированных в стену Донского монастыря.

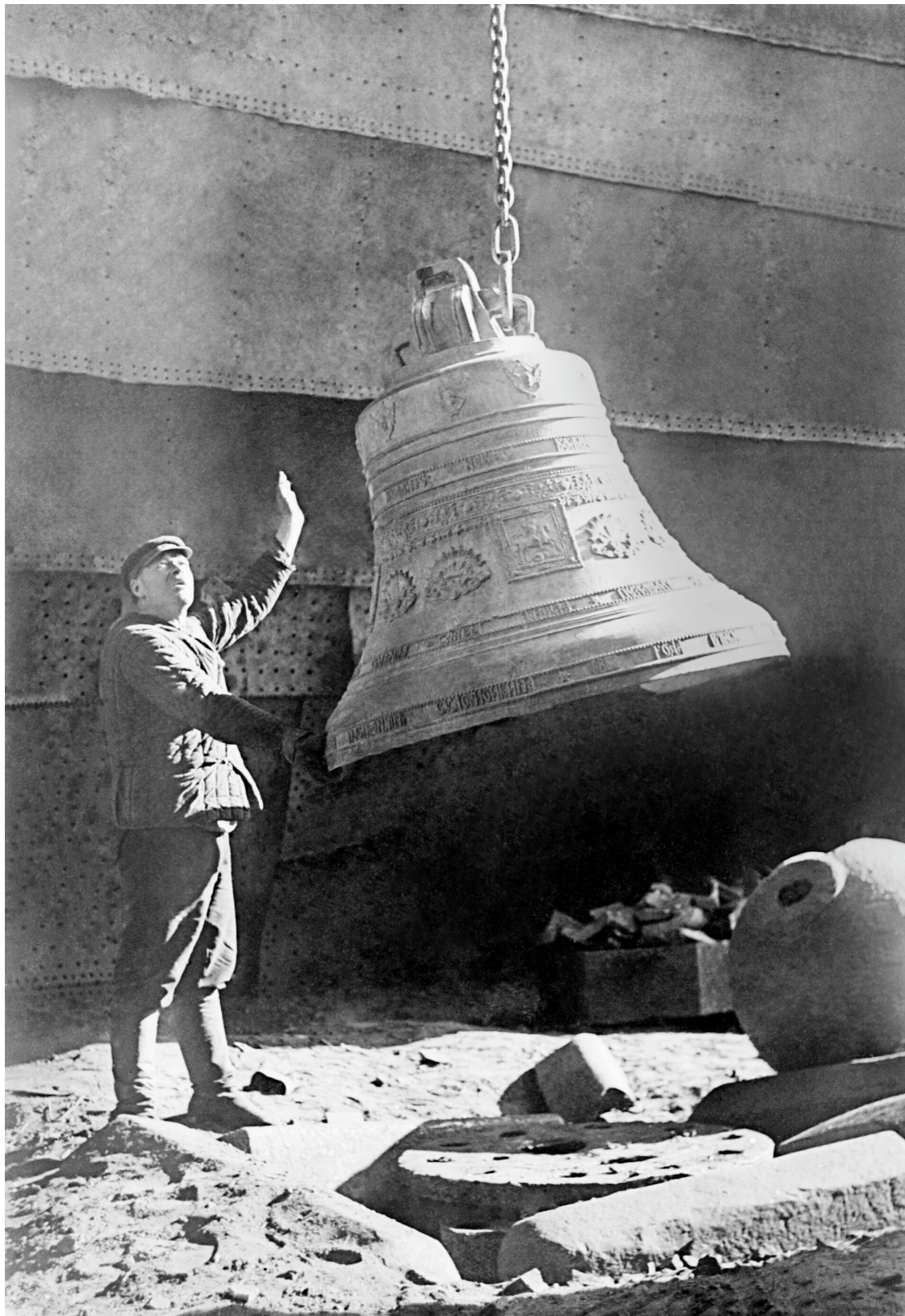

Рис. 43. Снятие колоколов 1931 год

Рис. 44. Фрагменты горельефа храма Христа Спасителя, хранящиеся в Донском монастыре

В сентябре 1994 года правительством Москвы было принято решение о воссоздании Храма Христа Спасителя в прежних архитектурных формах.

7 января 1995 года в праздник Рождества Христова Патриарх Московский и всея Руси Алексей II вместе с мэром столицы Юрием Лужковым заложили памятную капсулу в основание храма.

Храм был построен за неполные шесть лет. Первые строительные работы начались 29 сентября 1994 года. На Пасху 1996 года под сводами храма была совершена первая Пасхальная вечерня. В 2000 году все внутренние и внешние отделочные работы были завершены.

Рис. 45. Освящение и подъём большого колокола

19 августа 2000 года в день Преображения Господня патриарх Алексий II совершил Великое освящение Храма Христа Спасителя.

Архитектурный замысел комплекса Храма Христа Спасителя был разработан управлением Моспроект2 совместно с Московской патриархией. Руководитель проекта и главный архитектор – академик Михаил Посохин. Работы по воссозданию художественного убранства выполнены Российской академией художеств во главе с ее президентом Зурабом Церетели, в росписи участвовали 23 артели художников. Воссоздание скульптурного убранства фасадов храма осуществлено под руководством академика Юрия Орехова при содействии фонда «Скульптор». Колокола были отлиты на Заводе имени И.А. Лихачева (АМО ЗИЛ).

Воссозданный храм воспроизведен максимально близко к оригиналу. Во время проектных и строительных работ использовалась информация XIX века, включая эскизы и чертежи. Современный храм отличается стилобатной частью (цокольный этаж), возведенной на месте

существовавшего холмаоснования. В этом сооружении, высотой 17 метров, находится церковь Преображения Господня, зал Церковных Соборов, зал совещаний Священного синода, трапезные палаты, а также технические и служебные помещения. В колоннах Храма и в стилобатной части установлены лифты.

Стены и несущие конструкции храма изготовлены из железобетона с последующей облицовкой кирпичом. Для наружной отделки использовался мрамор месторождения Коелга (Челябинская область), цоколь и лестницы из красного гранита Балморалского месторождения (Финляндия).

Храм Христа Спасителя – самый большой собор Русской православной церкви, он вмещает до 10 тысяч человек. Общая высота здания – 103 метра, внутреннего пространства – 79 метров, толщина стен до 3,2 метра. Площадь росписи храма составляет более 22 тысячи квадратных метров.

Храм имеет три престола – главный, освященный в честь Рождества Христова и два боковых на хорах – во имя Николая Чудотворца (южный) и Святого Князя Александра Невского (северный).

В числе главных святынь храма – частица ризы Иисуса Христа и Гвоздь Креста Господня, частица ризы Пресвятой Богородицы, святые мощи митрополита Московского Филарета (Дроздова), глава святителя Иоанна Златоуста, частицы святых мощей апостола Андрея Первозванного, митрополитов Московских Петра и Ионы, князей Александра Невского и Михаила Тверского, преподобной Марии Египетской. В храме находятся чудотворные образы Владимирской Божией Матери и Смоленской Устюженской Божией Матери.

Образование Приамурского генерал-губернаторства

Рис. 46. Как Россия прирастала Сибирью по годам

Предприняв первые попытки проникновения за Уральские горы в XII – XIII веках русский народ начал планомерное освоение Сибири в конце XVI века походами казаков под руководством Ермака Тимофеевича. И только во второй половине XIX века русские люди достигли Тихого океана в районе реки Амур и начали осваивать Курильские острова и остров Сахалин.

Усилиями генерал-губернатора Восточной Сибири графа Н.Н.Муравьёва-Амурского, действиями капитана 2-го ранга, начальника Амурской экспедиции Г.И.Невельского, благодаря подвижническому труду сотен русских солдат и казаков – участников амурских сплавов (1854 – 1858), заключенному Айгунскому договору (1858), Приамурские земли были воссоединены с Россией, левобережная территория Амура вошла в Приморскую область, образованную в октябре 1856 г. в составе Восточно-Сибирского генерал-губернаторства. Сложности в управлении такой обширной территорией и всё возрастающее значение Приамурья требовали административно-территориального разделения. Специально созданная правительственная комиссия предложила разделить Восточную Сибирь на два генерал-губернаторства: Иркутское и Приамурское. В состав Приамурского генерал-губернаторства предлагалось включить Забайкальскую, Амурскую и Приморскую области, о-в Сахалин. По поводу Забайкальской области в комиссии были разногласия. В пользу присоединения Забайкальской области выдвигался весьма существенный аргумент: в дальневосточных областях располагалось небольшое число войск, и основным контингентом для их усиления на случай войны должны были служить казацкие войска Забайкалья.

Вопрос об учреждении Приамурского генерал-губернаторства в июне 1884 г. был рассмотрен на заседании Государственного Совета. Резолюция императора Александра III гласила: «Его Императорское Величество воспоследовавшее мнение в Общем Собрании Государственного Совета об учреждении Приамурского генерал-губернаторства Высочайше утвердить соизволил и повелел исполнить».

Приамурское генерал-губернаторство стало восьмым в России, наряду с Московским, Киевским, Виленским, Варшавским, Иркутским, Туркестанским, Степным. Оно объединило Забайкальскую, Амурскую и Приморскую области.

Самой компактной по территории являлась Амурская область, по величине она занимала последнее место в ряду сибирских областей и губерний. Но по сравнению с админи-

стративно-территориальными подразделениями Европейской России территория её была громадной: она была равна пространству, занимаемому такими губерниями, как Нижегородская, Тамбовская, Владимирская, Московская, Тульская. Из иностранных государств, по занимаемой территории, она была сравнима с Испанией, составляя 0,9 её территории.

В отличие от Амурской, территория Приморской области являлась исключительно протяженной и сложной. Длина её от юга на север составляла до 4 тыс. верст. Восточная и юго-восточная границы области, омываемые Тихим океаном, имели протяжение береговой черты почти 15 тыс. верст. По своей величине область в ряду сибирских губерний занимала третье место, уступая Якутской области и Енисейской губернии, и равнялась по занимаемой территории Дании, Ирландии, Австрии, Франции вместе взятыми.

Особенностями территории объяснялась и сложность внутреннего административного устройства области. В неё входило 9 округов. Население составляло 209 тыс. человек, в т. ч. 124,5 тыс. мужчин и 84,5 тыс. женщин (1890). Административным центром дальневосточной «империи» стал г. Хабаровка. *«Город Хабаровка отличается своим выгодным местоположением, обещающим ему прочную будущность при дальнейшем развитии Амурского края»*. Так пророчески утверждалось в «Путеводителе к путешествию Его императорского Высочества государя-наследника Цесаревича», изданном в Санкт-Петербурге в 1891 г.

С 1893 г. Хабаровка была переименована в город Хабаровск. В Хабаровске размещалась резиденция Приамурского генерал-губернатора, который одновременно был командующим войсками и войсковым наказным казацким атаманом. Столкнувшись с огромными трудностями реализации своих ответственных обязанностей, уже первый главный начальник края барон А.А.Корф представил на рассмотрение центральной власти проект образования отдельной Камчатской области в составе Камчатки, Командорских островов, Охотского и Гижигинского округов. Но проект не получил поддержки в центре. Поражение в Русско-японской войне, реальность угрозы потерять Тихоокеанское побережье, стеснительные для России условия Портсмутского договора заставили царское правительство сделать дальневосточную политику приоритетной, что положительно отразилось и на решении вопроса об административно-территориальном делении края.

В 1906 г. Забайкальская область была исключена из Приамурского и включена в состав Иркутского генерал-губернаторства, в результате территория Приамурского края стала гораздо менее протяжённой с востока на запад.

Южная часть о-ва Сахалин отошла к японцам, которые учредили здесь местную администрацию с губернатором во главе. Эти действия Японии заставили центральную власть по-новому взглянуть на северную часть острова Сахалин, имевшую чрезвычайно важное стратегическое значение. По распоряжению императора Николая II прекращалась ссылка на остров. Было внесено предложение о создании здесь особой Сахалинской области с губернатором во главе.

В связи с образованием нового представительного органа – Государственной Думы, решение вопроса административно-территориального управления находилось в её компетенции. В октябре 1908 г. департамент общих дел МВД представил на рассмотрение III Государственной Думы законопроект об административном переустройстве Приморской области и острова Сахалин. Законопроект был принят и окончательно утвержден в июне 1909 г. Согласно ему из северных уездов Приморской области образовывалась новая Камчатская область, создавался Чукотский уезд, администрация острова Сахалин учреждалась на новых началах, из Южно-Уссурийского уезда выделялись 3 новых уезда.

Преобразования административно-территориального устройства края требовали не только стратегические интересы России, но и его социально-экономическое собственное развитие, рост населения, особенно за счет переселения крестьян из центральных районов России.

Уязвимыми местами в управлении Приамурским губернаторством являлась территория, примыкавшая к устью Амура, северу и югу от него. Генерал-губернатор Н.Л.Гондатти составил проект об образовании на этой территории новой – Романовской области, но начавшаяся первая мировая война сделала его неактуальным.

К 1917 г. Приамурское генерал-губернаторство объединяло Амурскую, Приморскую, Камчатскую и Сахалинскую области. Это был оптимальный для того времени вариант административно-территориального деления, довольно полно учитывавший географическое положение, особенности природы, климата, коммуникаций, способствовавший социально-экономическому развитию Дальнего Востока России.

За 33 года существования Приамурского генерал-губернаторства этой территорией управляли 8 генерал-губернаторов: А.Н.Корф (1884 – 1893), С.М.Духовской (1893 – 1898), Н.И.Гродеков (1898 – 1902), Д.Н.Суботич (1902 – 1903), Н.П.Линевич (1903 – 1904), Р.П.Хрепятицкий (1904 – 1906), П.Ф.Унтербергер (1906 – 1909), Н.Л.Гондатти (1908 – 1917) – единственный гражданский генерал-губернатор Приамурского края.

Морозовская стачка 1885 года

Рис. 47. Морозовская стачка

В январские (7 (19) января – 17 (29) января) дни 1885 года на Никольской мануфактуре в Орехово-Зуеве, принадлежавшей товариществу «Саввы Морозова, сын и Ко» вспыхнула стачка (Стачка (также забастовка) – коллективное организованное прекращение работы в организации или предприятии с целью добиться от работодателя или руководства выполнения каких-либо требований) рабочих.

Жизненная обстановка последней четверти девятнадцатого века для России была чрезвычайно тяжелой. Разорительная русско-турецкая война 1877 – 1879 годов, хронические и широкомасштабные неурожай подорвали экономику страны, обострили социальные противоречия, привели к обнищанию широких слоев населения и, в особенности, крестьянства. Хлопчатобумажная промышленность в этих условиях пострадала многократно – ее рабочие еще не «оторвались» от земли и оставались в значительной степени зависимы от состояния их крестьянских дел в деревне, а главному потребителю «ситчика» – опять же, крестьянству – не хватало и на хлебушек. Газеты того времени отмечали: *«Застой в торговле по всей России принял небывалые размеры»*. Сельскую Россию сотрясал голод, а промышленную Россию сотрясала безработица и тот же голод. Московское губернское земство отмечало: *«В некоторых местностях производство почти что приостановилось, весь фабричный народ жил дома без заработка»*. Не далеко и до беды.

Фабрик, многолюдных фабричных поселков в Центральной России множество, а «Морозовская стачка» случилась именно на Никольской мануфактуре и стала событием государственного масштаба. Заметим, что не в Глухове или Зуеве. И там и тут владельцами являлись представители старообрядческого рода Морозовых. Характерно, что именно Морозовы, не вслушиваясь в российские «грозовые раскаты», долгое время отстаивали собственные представления о взаимоотношениях хозяина и рабочего, в основе которых лежали патриархальные, авторитарные основы, характерные для жизни старообрядческих общин. Несколько пере-

фразируя П.Рябушинского, скажем: *«Молясь о прощении грехов, промышленник-старообрядец говорил перед иконой, что «многим людям дал он возможность заработать на хлеб, прокормить семью, вырастить детей и это зачтется ему Господом», и тут же вспомним продолжение: «но придет время, и молодой голос из толпы рабочих крикнет: «нас тысячи и мы работаем на одного тебя – дармоеда». Ох, горькие же это слова, несправедливые – не с неба свалилась тем же Морозовым их собственность и не власть им ее подарила, складывалась она их же трудами и потом. Но у толпы своя «логика».*

Рабочие Никольской мануфактуры бастовали еще до 1885 года. В 1865 году первая в России настоящая рабочая стачка произошла именно здесь. Рабочие тогда просили хозяина хотя немного облегчить их положение: *«сократить рабочий день, повысить заработную плату и сделать прочие уступки, ничего не стоящие для хозяина».* Но ни одного шага навстречу просьбам рабочих сделано не было, зачинщиков с семьями выбросили на улицу. На этом все и закончилось.

События 1885 года назревали давно. На фоне общего тяжелого положения, о котором уже говорилось выше, тогдашний номинальный владелец мануфактуры Тимофей Савич Морозов (1823 – 1889) продолжал свою многолетнюю борьбу за повышение производительности труда и, главное, качества продукции. Было бы наивным полагать, что бывший крестьянин, вдруг ставший рабочим на предприятии, оснащенном не виданной им никогда ранее техникой, превратился в одночасье в квалифицированного и дисциплинированного работника. Возглавитель «Морозовской стачки» Петр Анисимович Моисеенко (С 1871 года Моисеенко работал ткачом в Орехово-Зуеве, затем переехал в Петербург. Здесь был вовлечен в революционное движение, познакомился с Плехановым, Халтуриным, Обнорским, вступил в члены Северного союза русских рабочих. За неоднократное участие в стачках на Новой бумагопрядильной был сослан в 1879 году в Енисейскую губернию) в своих воспоминаниях откровенно говорит: *«Трудно было привыкнуть к фабричной атмосфере после привольной Сибири».* Это только подсказывает нам, что суть противоречий внутрифабричной жизни на мануфактуре далеко не однозначна.

Действовавший на мануфактуре «Табель взысканий с рабочих за неисправную работу и нарушение порядков по фабрике» насчитывал 735 пунктов. Подчеркнем еще одну особенность «царства» Тимофея Саввича – он строил большие и теплые казармы для рабочих, больницы, школы, больше миллиона рублей внес в ссудно-сберегательную кассу. Огромная по тем временам забота о своих рабочих. В то же время он мог довольно цинично заявлять: *«Покров, уездный город – он подметка моя, Владимир – мой карман. Все мое, все мои: с деньгами что хочу, то и делаю».*

Обратимся опять к воспоминаниям Петра Анисимовича: *«Морозов задушил штрафами: моченьки нет, деться некуда с семьей. Подходили рождественские праздники, ждали получки: каждый рассчитывал, что он получит, и что он сможет купить. Наступила получка, а получить нечего, то за харчи (выдавались в хозяйской лавке по книжке, в долг; цены в лавке, как правило, были выше рыночных), то за штрафы. Заработок 8 – 9 – 12 руб. не более, вычет штрафа 3 – руб., а то и более, вот тут и живи, как знаешь... Не мало было слез у бедных ткачих, которым не хватало заработка на харчи, и они оставались в долгу у конторы. Мужчины зарабатывали по 12 – 15 – 17 руб., штрафов в среднем приходилось не менее 3 р. 50 коп., да харчи и приходилось получать 2 – 3 рубля».* «Революционный» опыт подсказывает Петру Моисеенко тактику немедленных действий: *«Вот тут-то приходилось подливать масла в огонь».* Отыскался для Петра Анисимовича и помощник – Василий Сергеевич Волков (1860 – 1887 гг.), которого он в воспоминаниях характеризует, как товарища «смышленного и толкового». Кроме того, он *«был молод и красив собою, что много выигрывал среди ткачих».*

Не зря среди рабочих Моисеенко получил прозвище «студент», давайте вчитаемся в его воспоминания – как это он так агитировал, что тысячи рабочих за ним пошли: *«сегодня у Саввы Морозова, а завтра может случиться у Елиса Морозова (фабрики Елисея Саввича распола-*

гались в д. Зуеве), а поэтому мы, рабочие, должны поддерживать друг друга и объединяться в один общий союз; когда мы объединимся и будем поддерживать друг друга, тогда мы будем сильны и с нами будут считаться, - сказано: «в единении сила». До сих пор с нами не считались потому, что видели в нас разрозненную массу, и делали что хотели и как хотели, вот почему и вылилась забастовка в такие формы надо учиться не только в школе, но и вне ее, читать полезные книги, а не «Бову Королевича» и «Еруслана Лазаревича», «Жениха в чернилах, да невесту во щах», а брать из библиотеки Некрасова, Пушкина, Белинского, Добролюбова, Писарева и т. п.». Как тут не вспомнить слова писателя Валентина Распутина: «Если бы Пушкин в детстве слушал не сказки Арины Родионовны, а песни Аллы Пугачевой, он стал бы не Пушкиным, а Дантесом».

Но вернемся к воспоминаниям Моисеенко: « на всех отразилась забастовка. Зуевские фабриканты напугались до того, что поспешили вывесить всюду объявления, что штраф прощается и заработок повышается на 10% на все работы видите, как мы теперь помогли рабочим, даже тем, которые и не думали никогда, чтобы им прибавляли

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.